

ЛЕДЯНОЕ СЕРДЦЕ НЕ БОЛИТ

Зло всегда бьет по тем,
кто тебе близок. Но
если у мстителя
ледяное сердце, будет
по-настоящему
страшно.

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Анна и Сергей Литвиновы
Ледяное сердце не болит
Серия «Спецкор отдела
расследований», книга 4

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155096
Ледяное сердце не болит: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-20854-8*

Аннотация

Надя очнулась в наглухо запертом подвале. Смутно помнилось, как она шла по улице, кто-то схватил ее... и дальше провал. Из-за стены послышались женские крики. Девушка едва не потеряла сознание от ужаса: неужели ее похитил маньяк, и она – следующая жертва?.. Журналист Дима Полуянов сходил с ума от беспокойства: почему его невесты нет на работе и ни один ее телефон не отвечает? Тем более что накануне он получил в редакции пакет с отрубленным женским пальцем и фото Нади с выжженными глазами. Но кто и за что мстит ей? А может быть ему? С помощью майора Савельева Дима вышел на след предполагаемого похитителя, но выяснилось – тот два года назад умер в тюрьме. Неужели тупик?!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	41
Глава 3	76
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Анна и Сергей Литвиновы

Ледяное сердце не болит

Глава 1

Люблю – и любима.

Люблю. И любима.

Надя пробовала два этих слова на вкус, и оба казались ей восхитительными.

А еще стояла потрясающая зимняя погода: яркое-яркое солнце, и мороз двадцать пять градусов, и снег аж звенел под ногами. Подружки и коллеги ныли, что холодно, – но насколько же лед и солнце лучше, чем вечный ноль с серой жижей под ногами, с фонтанами грязных брызг из-под колес чумазных авто! А ведь совсем недавно, в декабре, казалось, что слякоть будет длиться бесконечно, и Дима шутил, что в связи с глобальным потеплением выражение «мороз и солнце – день чудесный» аннулируется и его теперь будут помещать в словарях с пометкой *устаревшее* ...

А когда начались морозы – все изменилось. И даже москвичи как-то добрее друг к другу стали. Или это Наде только казалось, оттого что она была влюблена? Машины – невиданное дело! – пропускали на «зебрах» закутанных пешеходов. Автомобилисты давали друг другу «прикурить» от ак-

кумуляторов и таскали товарищей, что не завелись, на буksирах. И не брали за помощь денег.

В метро позволяли греться бомжам и бродячим собакам. И несмотря на обычную толчею, лица у многих пассажиров подземки стали такими просветленными, словно они только что с заграничных курортов вернулись. Народ в подземке стал куда вежливей, и кое-кто даже улыбаться незнакомым начал. И шутить.

Нет, думала Надя, минус двадцать пять с солнцем – гораздо больший кайф, чем серое не пойми что около нуля. И сил откуда-то появилось столько, что до этой зимы Наде такое и не снилось. Раньше целые вечера порой проводила, лежа на диване с книжкой и сушками, свернувшись калачиком, и даже сходить на кухню, чаю налить, было лень. А по утрам она еле-еле просыпалась от будильника, потом ползала, собиралась, словно сонная муха, по пять минут раздумывала перед зеркалом: краситься ей или дать коже денек отдохнуть?

Совсем не то сейчас. Вот и сегодня проснулась Надя затемно, сама, без всякого будильного трезвона и полная бодрости. Нацепила на Родиона собственноручно сшитую шлейку, по морозному утру выгуляла его, в магазине парного мяса купила. И настроение такое хорошее, а силы как будто изнутри распирают! Потом вернулась домой и – вот уж чего от себя никак не ожидала! – стала жарить мясо с картошечкой: самую обыкновенную, но любимую Димину еду. Чтобы вечером, когда он приедет, на готовку не отвлекаться, а про-

сто подогреть жареву в микроволновке и выставить на стол вместе с Диминым же любимым красным сухим вином. И самой наслаждаться сытной едой и терпким вином и с удовольствием смотреть, как гражданский муж уминает за обе щеки, и нахваливает, и добавки просит.

А потом Надя – до выхода на работу! – успела еще интенсивную зарядку сделать. Лет семь все собиралась взяться за гимнастику, да не могла себя заставить, а теперь все будто само собой получилось, и без всяких с ее стороны усилий. Результат не замедлил сказаться: она с Нового года на три килограмма похудела! И никак нельзя утверждать, что она делала это ради Димы – хотя, наверное, ему гораздо приятнее обнимать сильное и мускулистое тело, чем вялое и бесформенное. Главное: Надя после зарядки чувствовала себя собранной, упругой, веселой, звонкой – словно заснеженный московский асфальт на лютом морозе.

Вот и получилось, что к девяти утра, когда на работу пора выходить, Надежда столько дел переделала, сколько раньше и за неделю не успевала. А когда в библиотеку она придет – тут и Димка должен позвонить: прямо с вокзала. Целых четыре дня она его не видела – будь неладны эти его командировки! – и теперь Надя чувствовала, как соскучилась, и предвкушала встречу, и даже немного робела, словно перед самым первым свиданием. Неужели они сегодня вечером опять будут вместе? И ночью тоже? Надя не могла поверить в свое счастье – а тут еще снег блистает на солнце, и даже

асфальтовая дорога, вся в инее, тоже сверкает – и машин на ней, грязно-серых, мало-мало. И сосед, с которым они столкнулись в парадном, ей улыбнулся...

И кажется, словно и сосед, и снег, и дорога, и солнце повторяют, подхватывают Надино искристое настроение. влюблена и любима!.. Любима и влюблена!..

* * *

Если бить – то в самое больное место.

Жизнь, похоже, подходит к своему логическому концу.

Но осталось еще выполнить свою Миссию. Оплатить счета.

Платить по этим счетам ИМ придется не деньгами. Не услугами. И даже не унижением.

Они за все заплатят иначе. Внезапностью наказания, страхом и болью.

Самым большим страхом и самой мучительной болью из всех, какие только может испытывать человек.

* * *

Дима в Питере нарочно взял билет на самый поздний поезд.

Он был «сова» и терпеть не мог рано вставать и рано ло-

житься. В скором поезде, когда храпят попутчики, – тем более. К тому же на вечер он достал билет на спектакль у Додина. Потом он не спеша пешком отправится с улицы Рубинштейна на Московский вокзал.

Утром Полуянов в своем номере принял душ. Неторопливо позавтракал в ресторации. Из гостиницы выписался – походная сумка была не тяжела: три пары носков, футболки да детектив в мягкой обложке.

Дима привык все командировочные дела проворачивать в самые первые дни. Последний день в любой поездке старался оставлять свободным и посвящать его культурной программе и прогулкам по городу. А если этот город Питер – тем более. Питер – самый, считал журналист, красивый и своеобразный город планеты, чудное, странное место, малая родина.

Но сей февральский денек к прогулкам по Северной Пальмире явно не располагал. Нева практически вся замерзла. Закутанные в шарфы и шапки люди брели по льду реки от Петропавловки к Стрелке.

Снежные бурунчики завивались по Дворцовой, вихрились вокруг Александрийского столпа. И хоть термометр в арке Генерального штаба показывал всего-то минус пятнадцать, с Невы задувал такой свирепый промозглый ветер, что казалось, вот-вот выжжет глаза и спалит щеки. На улице находиться было совершенно невозможно. Хорошо еще, что Надюшка заставила его надеть теплый шарф и лыжную шапоч-

ку (никаких кепок, шляп и шапок Полуянов категорически не признавал). Но тут без них решительно было не обойтись.

И все равно пришлось передвигаться короткими перебежками. Он выскочил на Невский и тут же зарулил в кафе «Литературное», где пил последний в своей жизни шоколад Александр Сергеевич. Здесь за белыми скатертями сидела подмороженная парочка иностранцев. Официанты говорили на трех языках (на всех, включая русский, одинаково плохо). Дима заказал кофе и принялся просматривать свои блокноты: если он вдруг в ходе командировки что-то упустил и с кем-то не встретился, еще не поздно это поправить. Нет, кажется, все в порядке. Охвачены учителя, дети, родители, районо, прокуратура и даже профессор из педагогического. Товара на статью хватает.

Журналист расплатился за кофе (редкой поганости!) и снова вышел на Невский.

И опять ледяная промозглость, ветер со всех сторон, хочется в тепло. Бегом-бегом Полуянов донесся до ДЛТ.¹ Здесь он погулял меж прилавками, согрелся и купил Надежде чашку с типично питерским узором: синяя ажурная решетка местного фарфорового завода. Коллеге Кире с работы приобрел шоколадного «Оскара» (бедная девчушка всерьез мечтает о карьере в кино). Секретарше главного Марине Максимовне купил шоколадного ежика.

Затем еще перебежка под ледяным ветром – и он уже в

¹ ДЛТ – Дом ленинградской торговли; универмаг.

«Севере», в царстве кофейно-кондитерского духа. Здесь он не смог удержаться и снова выпил кофе в бумажном стаканчике и съел пирожное буше. Нигде, ни в знаменитейшем кафе «Флориан» в Венеции, ни в кондитерской «Демель» в Вене не подавали (во всяком случае, по мнению Полуянова) таких вкусных сластей, как в Питере. В «Севере», когда он скромно стоял у столика, рядом с другими приезжими и аккуратно лакомящимися питерцами, в голову ему пришла центральная тема будущей статьи. Затем снова короткий бросок по Невскому – шарф наворачен по самые глаза, закрывает рот и нос. Но колючий ветер охлаждал руки, ноги – и ничего не оставалось делать, как забежать в «Сладкоежку» близ Елисеевского...

...К концу дня от кофейно-пирожной диеты во рту у Димы образовался сладкий привкус. Даже спектакль у Додина – как всегда, смотрящийся на одном дыхании и как всегда – трагический (если не сказать тоскливый) – не смог его перебить. Срочно захотелось пива и чего-нибудь соленья – это желание Полуянов, выйдя из театра, немедленно осуществил в заведении «У тещи на блинах» у Пяти углов. А потом уже побрел мимо Владимирского собора, Кузнечного рынка в сторону Московского вокзала. Ночной влажный ледяной ветер дул, казалось, из каждой подворотни и проникал в мельчайшие щели сквозь одежду. Редкие встречные шли по пустынному переулку, закутанные шарфами до глаз – не до красоты сейчас, не до стиля. И даже продавцы цветов, бом-

жи и попрошайки, в любую погоду тусующиеся у Кузнечного рынка, куда-то попрятались.

Дима настолько увлекся сражением с хладным ветром, что даже миновал, не обратив внимания, ту самую подворотню, через которую они с Надеждой убегали от бандитов – а вслед им неслись автоматные очереди.² И ведь хотел же остановиться, вспомнить. Подумать только, как давно это было! А теперь они с Надькой живут гражданским браком, почти как муж и жена. И Дима ни на секунду не сомневался: стоит ему заикнуться о том, что надо-де «оформить отношения» – Надя немедленно согласится. А может, и в самом деле жениться? Вон он без нее всего четыре дня, а уже скучает. Тянет его к милой Надюшке. Хочется ее увидеть, обнять... Но жениться – это ведь полный и бесповоротный конец молодости, необязательности, свободе...

Дима настолько промерз, бредя по переулку в сторону Лиговки, что не стал даже заходить (как собирался) во двор, где они когда-то жили с мамой. Не глянул – в очередной раз! – на бывшие свои окна, за которыми обретались теперь совсем другие люди. Они хоронились за стеклопакетами и чужими шторами и не подозревали, сколько разнообразных детских воспоминаний хранит для Димы их просторная квартира с высоченными потолками...

Последний рывок – Полуянов перебежал Лиговский про-

² Подробнее об этом можно прочитать в романе Анны и Сергея Литвиновых «Эксклюзивный грех», издательство «Эксмо».

спект и устремился к боковому входу в Московский вокзал.

Слава богу, поезд уже подали, и в вагоне оказалось тепло.

Не дожидаясь попутчиков, Дима разделся до спортивного костюма и забрался на вторую полку под одеяло. С собой прихватил блокнот – милое дело после командировки, уже в купе, просмотреть записи, сделанные в поездке. И составить план статьи, которую он уже завтра будет писать.

...План был вчерне готов в половине третьего ночи. Дима отложил блокнот на сетчатую полочку, потушил ночник и повернулся лицом к стенке.

Он понятия не имел, что даже в сей поздний час о нем думают два человека.

Первой была засидевшаяся в ночь за книжкой Надя. Однако любовь, теплота и радость, с которыми она вспоминала Диму, с лихвой компенсировались и даже перекрывались той злобой и ненавистью, с какими думал о нем совсем другой человек...

...На следующее утро столичные минус двадцать пять и сухое безветрие показали курортом по сравнению со вчерашней питерской влажно-ветреной погодкой. Дима бодро шагал по московскому перрону. Настроение было прекрасным. Во-первых, он выспался. Во-вторых, статья была практически готова – осталось сесть написать. В-третьих, мельком очаровав проводницу, удалось разжиться хорошим кофе.

Прямо с перрона он позвонил по мобильному Надежде.

Черт, ведь и вправду соскучился по ней.

– Я приехал, – доложил Полуянов.

– Я рада.

Какое-то кокетство в Надькином голосе появилось, эротизм, чего раньше в жизни не было. С таким придыханием она произнесла это короткое «я рада», что внутри у него прямо все зашевелилось, забурлило.

– Я хочу тебя видеть. Прямо сейчас.

– Ничего не выйдет. Я на работе.

– Сбежать! Взять отгул! Уволиться!

– Не могу. У нас сегодня совещание у директора. Меня пригласили.

– Вот как? А я тебе хотел одну вещь сказать...

– Скажи.

– По телефону не стану. Такие вещи по телефону не говорят.

– Ну, вечером скажешь.

– Если я доживу до вечера.

– Тьфу, дурачок, типун тебе на язык!

– Ладно, тогда я тоже поеду на работу.

– Дим, знаешь, что...

– Что?

– Я очень жду вечера.

– А я – еще больше.

В метро уже миновал первый утренний час пик. Полуянов

решил сразу ехать в редакцию. Всего пять остановок, одна пересадка. А в голове статья уже сложилась. Можно без промедления запереться в своем кабинетике и отписаться. А потом сдать статью в секретариат – и гуляй. Он поедет к Надюшке, она сегодня в первую смену, и они скоро увидятся. От этой мысли потеплело на душе.

На входе в редакционный корпус Дима за руку поздоровался с пожилым охранником.

– Что-то тебя, Дима, давно видно не было.

Называть на «ты» звезд отечественной журналистики было одной из привилегий редакционных стражей – своего рода компенсацией за их монотонный труд.

– Из командировки только приехал.

– А-а! Где был? В Лондоне или в Караганде?

– В Питере.

– Ну, и как тебе Питер? Бока повытер?

– Дремлет притихший северный город, – цитатой из песни ответил Полуянов, – низкое небо над головой. А как тут у вас?

– Тебе вчера рукопись принесли.

Дима скривился, словно двести граммов спирта хватил без закуски.

– Кто принес?

– Не представился.

– Мужик?

– А ты хотел длинноногую дивчину?

– Хотел.

– Зря хотел.

– А вы уверены, что рукопись именно мне, а не, скажем, Сереге Ветрову? Или – в отдел писем?

– Не, мужик просил конкретно тебе передать. Да вот тут и на конверте надпись: «Дмитрию Полуянову, лично в руки».

Из недр своей конторки охранник достал широкий, к тому же и толстый конверт из крафт-бумаги. Наклеенная на пакет аккуратная бумажка с отпечатанными на принтере буквами гласила, что послание и в самом деле адресовано Полуянову. Ни обратного адреса, ни подписи, ни фамилии отправителя на конверте не значилось. Дима снова сморщился:

– Вот графоманы неугомонные! – Взвесил послание в руке. – Да тут «Сага о Форсайтах», не иначе.

– Круче бери, – подыграл охранник. – «Война и мир».

– Ладно, прогляжу на досуге. Счастливого дежурства.

Полуянов пожал охраннику руку и пошел к лифтам. Он испытывал сильнейшее искушение сунуть конверт, не вскрывая, в ближайшую урну – однако мешало уважительное отношение к письмам трудящихся, которое юному журналисту успели привить на излете советских времен. Да и конверт был столь объемист, что ни в какую корзину не влез бы.

Дима поднялся на шестой этаж, который занимала редакция родных «Молодежных вестей». Прошел по пустоватому коридору в свой кабинет. Руководители нынче были на ле-

тучке, а рядовые сотрудники только подруливали в контору. Сейчас главное для Полуянова было не дать себя увлечь редакционным пустозвонством, байками и текучкой, а сохранить утренний настрой на написание питерской статьи, уже выстроившейся и выкристаллизовавшейся.

И ни в коем случае, конечно, не читать никаких графоманских рукописей.

...К трем часам дня статья была готова. Конечно, отвлекаться Дмитрию все равно пришлось. Заходил ответственный секретарь, требовал немедленно сообщить название еще не дописанного произведения и его точный объем. Неугомимая общественница Евгения Семеновна из кадров собирала деньги на коляску для только что родившей Анюты Бессоновой. Малышка Кира получила в презент питерского шоколадного «Оскара», расцеловала Диму в губы и звала в буфет попить кофе (журналист проявил стойкость и отказался).

Позвонила по городскому Надя. Никто, после того как погибла мама, не радовался ему – и его возвращением, его приездам, его словам – столь же искренне, как Надя. И Полуянов очень ценил ее теплоту и ее свет.

Наконец он поставил точку. Вызвал на экран статистику: почти одиннадцать тысяч знаков. Как раз хватит на подвал.

– Сейчас надо сходить пообедать, – вслух сам себе сказал Дима, – потом придумать заголовок, сдать статью и вперед, домой. Точнее – к Надьке.

Окна его кабинета выходили на задний двор и типогра-

фию, откуда даже через двойные пластиковые рамы доносились мерное гудение печатных машин. Но клочок двора все равно искрился снежными иглами под ледяным солнцем. Из труб вентиляции на крыше поднимались шапки пара.

Оставалось еще одно: разделаться с только что присланной рукописью, и Дима машинально, думая одновременно о названии статьи, морозе и Наде, ножницами вскрыл конверт. Ухватив двумя пальцами, вытащил из него содержимое. Что за чертовщина!

В письме оказались сложенные газетные листы формата А2. Газету Полуянов моментально узнал по верстке: не что иное, как его родные «Молодежные вести». Дима, в поисках хоть какого-нибудь внятного содержимого, отбросил первую газету, вторую, третью... А вот дальше... Когда он рассмотрел предмет, лежавший в специально вырезанном для него углублении на газетном листе, ему стало дурно.

Потому что в лужице черной крови, пропитавшей вокруг газетный лист, лежал обрубок человеческого пальца. Судя по маленьким размерам – то был мизинец. А аккуратный маникюр свидетельствовал, что мизинец когда-то принадлежал женщине.

* * *

Через три минуты Полуянов стоял внизу перед охранником.

– Скажите, а кто мне передал эту рукопись?

– Не знаю, Димуля, не я вчера дежурил. А что там, бомба?

– Почему бомба?

– На тебе лица нет.

Страшную находку журналист положил в сейф. Железный монстр застоялся в его кабинетике еще с советских времен (когда-то тут обретался секретарь партбюро редакции газеты, называвшейся в те времена «Комсомольскими вестями»). Дима аккуратно сложил в несгораемый ящик все, что связано с диким посланием. Сначала – две газеты с лежащим внутри их обрубком пальца. Сверху – прочую макулатуру и, наконец, сам конверт. Его Дима брал за ребра: может, на нем сохранились отпечатки пальцев отправителя? Хотя по меньшей мере два человека – он сам и охранник – уже хватали конверт со всех сторон без всякой осторожности.

И вот теперь журналист выпрашивал у дежурного о происхождении посылки. Он пытался успокоиться, но, видать, это плохо ему удавалось: даже страж заметил, что на нем лица нет.

– Бомба? – Дима постарался быть развязным. – В каком-то смысле, в журналистском, – да, бомба. То есть сенсация. А кто вчера на вахте стоял? Или когда там пакет принесли?

– Вчера Матвеич дежурил. Так что ты у него выпрашивай.

– Вы уверены, что пакет принесли именно вчера? А не

раньше?

– Вчера, Димуля, точно. Мне и Матвеич сегодня утром на пересменке сказал: вот, вечером Полуянову мужик какой-то рукопись притащил. Не забудь, типа, передать. Да что там, в пакете-то?

– Не могу сказать. Редакционная тайна. А то «Комсомолец» сенсацию упрет. А у вас телефончик Матвеича есть?

– Конечно.

– А где он живет, часом, не знаете?

– Кажется, где-то в Бескудникове. Да только ты его сейчас не застанешь. Он на рыбалку собирался.

– Что за люди ненормальные!.. Охота им яйца морозить!.. Ну давайте хоть телефон его. Позвоню ему вечерком. Будем надеяться, что ваш Матвеич под лед не провалится. Как его полное имя-отчество?

В свой кабинет Дима поднялся, разжившись телефоном вчерашнего охранника: Иван Матвеевич Сахаров, 462-... Судя по первым цифрам номера, Иван Матвеевич действительно жил в Бескудникове. Значит, пока конверт с чудовищным грузом достиг Полуянова, он побывал в руках как минимум двух человек – двух редакционных церберов.

Дима набрал номер вчерашнего стража. Длинные гудки были Полуянову ответом. Видно, как и предсказывал его товарищ по работе, Матвеич в свой законный выходной пробавляется подледной рыбалкой. Вот ненормальный!.. Тогда журналист достал визитницу, перелистал ее и нашел теле-

фон, к которому он еще ни разу не прибегал с тех пор, как они с Надеждой вели расследование по делу о смерти своих матерей.³ Набрал номер.

– Майор Савельев, – немедленно бодро откликнулась трубка.

Это было большой удачей. За пять лет, прошедшие с тех пор, как Полуянов встречался со старшим оперуполномоченным, тот мог оказаться где угодно: в другом округе, в отставке, в Чечне, на Лубянке... А Савельев – ура! – сидел по тому же самому телефону, да еще и в звании был повышен на одну ступень. Редкая удача, что Дима его нашел, да еще с ходу.

– Поздравляю вас, товарищ майор, с новой, большой звездочкой.

– Кто говорит? – Голос опера звучал жестко.

– Корреспондент «Молодежных вестей» Дмитрий Полуянов. Помните такого?

– Тебя забудешь, – проворчал Савельев. Тон его стал чуть любезней.

– У меня к тебе, майор, дело есть: очень важное, срочное и конфиденциальное. Можем повидаться?

– У тебя что, горит?

– Очень горит.

– Тогда дуй ко мне прямо сейчас. Минут пятнадцать тебе

³ Подробнее об этом можно прочитать в романе Анны и Сергея Литвиновых «Эксклюзивный грех», издательство «Эксмо».

хватит? А то в семнадцать ноль-ноль я убываю.

– Понял. Лечу к тебе, майор, мухой. Закажи пропуск.

Савельев на другом конце провода усмехнулся:

– А у нас в УВД вход свободный. Вот выход – нет.

* * *

Полуянов понял, что дурака свалял, когда поехал с вокзала не домой, а прямо в редакцию. Отписаться ему, видишь ли, не терпелось. Сейчас «Королла» его стоит, заметенная, на платной стоянке у дома на Краснодарской улице – да и аккумулятор у нее наверняка сел от мороза. Зато в руках ему теперь приходится таскать командировочную сумку. И ехать к Савельеву в его Первое Северное УВД на метро надо восемь остановок с пересадкой. А в багаже рядом с грязными футболками и подарком Наде – коробочкой с питерской фарфоровой чашкой – страшный груз: завернутый в черный полиэтилен палец на газетной подложке. А если Диму по пути мент какой остановит? Попросит показать содержимое сумки? Вот и этот сержант на выходе из подземного перехода как-то подозрительно на него посмотрел... Ф-фу, отставить паранойю: сроду никакие мильтоны Полуянова не обыскивали, даже документы не просили предъявить. Сказывалась внешность, совсем не тянущая на «лицо кавказской национальности». Почему менты вдруг заинтересуются им сейчас? Или они могут заметить Димину нервозность? Поди

потом объясняйся, что отрубленный женский мизинец ему передали под видом рукописи...

Когда Полуянов добрался до станции «Водный стадион», время приближалось к четырем. Надя уже выходит с работы домой. Но думать о ней сейчас некогда, все мысли – как бы не упустить Савельева. Дима, как вышел из метро, позвонил майору по сотовому. Тот буркнул:

– Ну, сколько тебя можно ждать?!

– Еще три минуты! – заверил Полуянов и бросился ловить машину, чтобы домчаться до УВД.

* * *

Самое главное: точно определить объекты.

Затем вычислить в каждом случае направление основного удара.

И нанести его всем. Если не одновременно – он не может один разорваться на три части, – то в самый короткий временной промежуток.

На столе были разложены фотографии. Сделанные исподтишка мощным телеобъективом, они в точности свидетельствовали, кто для них, для каждого из троих, является болевой точкой.

Потому что самая болевая точка – это любовь.

А любовь – это чувство, которое сложнее всего скрыть. Особенно когда люди не считают нужным ее скрывать.

Юля прокричала последний раз и откинулась на спинку коляски. Взъерошила волосы Ваньки и оттолкнула его от своих бедер.

– Молодец, – выдохнула она с прикрытыми глазами. – Какой же ты суперлюбовник!

Она сказала это не только потому, что в ту минуту искренне так думала, но и потому, что он ждал от нее этих слов. Не открывая глаз, она почувствовала, что он расплылся в улыбке. Иван поднялся с колен и нежно поцеловал ее в губы.

– Принеси мне воды, – попросила она. – Пожалуйста.

Ванечка покорно потащился на кухню, а она подъехала на своей коляске к окну. Они не задергивали штор, и когда она открыла глаза, перед ней предстала величественная панорама Поклонной горы и Кутузовского проспекта с сотнями спешащих машин.

Нежно ступая, ее любовник, абсолютно голый – как она любила, – принес ей минералки. Она приняла стакан из его рук и удовлетворенно подумала: «Когда ты сама – личность, тебе ничто не может помешать жить полной жизнью. Ни болезнь, ни инвалидность – ничто. Главное – верить в себя и иметь волю к победе. И еще – цель в жизни. Например, разбогатеть. Продвинуться. Или – отомстить. И если ты *по-настоящему* захочешь, все вокруг будут, словно герои куколь-

ного театра, выполнять *твою* волю».

* * *

Майор Савельев запер по настоянию Полуянова дверь своего кабинета, где размещались еще двое оперуполномоченных, сейчас отсутствующих. Он надел резиновые хирургические перчатки и с каменным лицом взял в руки отрезанный мизинец.

– А ты-то сам его не узнаешь? – спросил майор у журналиста.

– В смысле?!

– Ну, может, он какой твоей знакомой принадлежит. Точнее, принадлежал?

– Ну, знаешь ли, майор, я девчонкам на мизинцы обычно не смотрю.

– Девчонкам, может, и нет. А если это жена? Близкая подруга? Постоянный половой партнер? Неужели не узнаешь, а, корреспондент?

На один миг дурнота, которую во время разговора с опером старательно подавлял Полуянов, подступила к самому горлу. Он вдруг представил отрезанный палец Нади. Нет, его бы он узнал.

– Нет. Этот мизинец мне незнаком, – глухо проговорил Дима, отвернувшись к окну. Он старательно переключал свое внимание на синее небо за окнами, белые дымы от

ближайшей стройки, опоры электропередачи в серебристом инее. Не хватало еще блевануть здесь, прямо в кабинете у майора.

– А почему ты, журналист, не хочешь идти официальным путем?

– Что ты имеешь в виду?

– Обратиться в отделение по месту – где сделана находка? – твоей работы. Написать заявку. Добиться, чтобы возбуждали уголовное дело.

– Ага. Чтобы у ментов из нашего отделения появился еще один висяк. А меня б затаскали на допросы. Я уж лучше как-нибудь сам.

– Ты же знаешь, *крыспондент*, самодеятельные расследования порой печально заканчиваются. Для тех, кто их начинает.

– В своей практике я этого как-то не заметил.

– Значит, тебе просто фатально везло... А чего ты от меня-то хочешь?

– Чтоб ты отправил *это* на экспертизу. А потом рассказал мне о результатах.

– Хм. Это тебе будет недешево стоить.

– Сколько?

– Мой знакомый судмедэксперт предпочитает хорошее виски.

– Будет для него бутылка «Блэк Лейбл». И для тебя – коньяк.

– Я предпочитаю водку. Ладно. Я твой мизинец, конечно, на экспертизу отдам. Ради тебя. Совру чего-нибудь эксперту. Но могу тебе кое-что сказать сразу.

– Ну?

– Мизинец отрубили у *живой* женщины.

Снова подступила дурнота, и снова Полуянов усилием воли справился с ней. Сглотнул, глубоко втянул воздух, деловито (насколько смог) поинтересовался:

– С чего ты взял?

– Кровищи много. Если б рубили у трупа, крови столько бы не было.

* * *

Надя вернулась домой, как всегда в последнее время, в прекрасном настроении. Она не знала, что в жизни так бывает: если уж тебе начинает везти, то везет во всем. Стоило ей только Диму приручить, как и другие радости на нее, словно из рога изобилия, посыпались. Наверное, счастливый человек какие-то особые флюиды излучает, благодаря которым к нему новая удача притягивается.

Мало того, что Надежда похудела – она еще и похорошела. Глаза засияли. Раньше на нее, пока от работы до дома добиралась, ни один, бывало, мужик за всю дорогу не взглянет. А сейчас каждый второй внимание обращает, от юношей пятнадцатилетних до пятидесятилетних стариков. И даже вслед

оглядываются. А кое-кто вдобавок приставать начал – сроду такого в ее жизни не было. Вот и сегодня: шла Надя от метро домой, а на заснеженной тропинке ее догоняет мужчина:

– Девушка! Девушка!

Надя оглянулась. Лицо – лет за сорок, а то, может, и за пятьдесят. Седые виски. Норковая шапка, добротная дубленка, свежеччищенные сапоги.

– Вы обронили!

Протягивает белый, слегка снежком прихваченный матерчатый носовой платок.

– Нет, вы ошибаетесь. Это не мой.

Надя давно уже, как современная девушка, на бумажные платки перешла.

– Да вы не бойтесь, – радушно улыбается мужчина, улыбка у него хорошая, – я не Яго и не Отелло.

А он еще вдобавок и начитанный.

– Я не боюсь, – тоже улыбнулась Надя, – ведь я не Дездемона.

– Вы Шекспира любите?

Мужчина пошел рядом по снежной тропинке, хоть его никто и не приглашал. Ну и пусть, ничего опасного, светло, и народ кругом ходит.

– Кто ж его не любит, – сказала она.

Надя совершенно не хотела с ним знакомиться, но почему бы просто не поддержать разговор с культурным человеком.

– Ну, не скажите. Вон, Лев Толстой Шекспира на дух не

переносил.

– Толстой имел право.

– Я в девятнадцатом доме по улице Мамина-Сибиряка живу.

– А я в семнадцатом, – зачем-то сказала Надежда.

Ведь оборотная сторона счастья: всем на свете людям доверять, и желать им добра, и не верить, что они ей могут желать зла.

– У меня, кстати, билеты на «Гамлета» в Художественный театр есть. Хотите, сходим вместе?

– Я замужем, – совершенно уместно соврала Надежда.

– Ну и что? – искренне удивился попутчик. – Я же вас не в ночной клуб приглашаю, а в приличное место. МХТ, Трухин, Пореченков, Хабенский. Есть на кого посмотреть.

– Нет-нет, извините, но это невозможно.

– Да ваш муж только рад и благодарен вам будет, если вы один раз в жизни оставите его вечером одного, наедине с диваном и телевизором!

– Вы же его совсем не знаете! – смеясь, проговорила Надежда.

– Очень хорошо знаю.

– Откуда?

– Да потому что все мужчины одинаковые. Я сам такой.

– Как же такой, если сами в театр меня зовете?

– Да это только потому, что вы – девушка необыкновенная, и ради вас я готов хоть в театр, хоть в турпоход, хоть

на луну.

– Откуда ж вы знаете, что я необыкновенная?

– А это по самому первому взгляду видно. И по вашим глазам, и по разговору, и по рукам... «Все в ней гармония, все диво...» Это про вас писал поэт...

– Ну ладно, все. Мы пришли.

– Как жаль. Вы, конечно, не пригласите меня на чашечку кофе?

– Конечно, нет. – Надежда сказала это самым категоричным тоном.

– Тогда позвольте представиться.

Незнакомец вытащил из кармана позолоченную визитницу, протянул ей карточку. На ней значилось:

Ершов Георгий Алексеевич

ООО «Аргус»,

Генеральный директор

И всего один телефон: 764 —...

– Это мой прямой, – пояснил Георгий Алексеевич, генеральный директор. – Вы позволите узнать, как зовут вас?

– Надежда.

– А вы мне свой телефончик не дадите?

– Я же говорю: я замужем. И муж у меня очень ревнивый.

– Ох, как ужасно. В таком случае мне остается ждать вашего звонка. Вы знаете, Надежда, я могу оказаться вам очень полезен. В самых разных сферах жизни, от билетов на «Гамлета» до покупки дачи. И от горящих туров за границу до

адвокатских услуг.

– Я учту.

Надя сунула визитку в карман дубленки и вбежала в подъезд – с твердым намерением никогда, естественно, пристава-ле не звонить. И никогда больше его не видеть. Но сам факт того, что милый, образованный и взрослый человек обратил на нее внимание и добивался ее расположения, добавил в и без того лучезарное настроение Надежды дополнительные радужные краски.

* * *

Выйдя из УВД, Дима немедленно набрал номер охранника-рыболова. На сей раз телефон ответил густым, хрипловатым, не очень трезвым мужским голосом:

– Алле-о?

– Как улов, Иван Матвеич? – поинтересовался Дима.

– На обед хватит. Кошке. А это кто?

– Дмитрий Полуянов из «Молвестей».

В течение трехсекундной паузы подледный рыбак осмысливал, кто ему звонит, и наконец сказал:

– А, помню! Специальный корреспондент. Чего звонишь?

– Срочный разговор имеется. Надо встретиться.

– Н-да? Чего тебе вдруг приспичило?

– Давайте, я к вам подъеду и все расскажу.

– Ну подъезжай.

Охранник изъяснялся весело и лапидарно. Такое бывает у некоторых мужчин – после двухсот водки.

– Бутылку привезти? – поинтересовался Дима.

В трубке хмыкнули:

– Странный вопрос.

– Да я к тому спрашиваю: на месте ли ваша домашняя полиция? А то скандалов у вас в доме не хотелось бы.

– Жена у дочки. Приезжай с открытым забралом.

Охранник редакционно-издательского комплекса «Свободная пресса» Иван Матвеевич Сахаров продиктовал Диме адрес.

Полуянов подошел к обочине и поднял руку. Уже смеркалось, и если он в Бескудниково на метро поедет, вообще никуда сегодня не успеет.

* * *

Едва Надежда вернулась домой, пошла прогулять Родиона: чтобы уж потом, когда Дима приедет, он им не документал. Сама переоделась, на таксу нацепила по случаю мороза шлейку и отправилась. Родя сразу начал носиться как электровеник: все на свете нюхал, всюду нос свой совал, рыл снег и оглушительно тьявкал.

Надя гуляла долго, даже успела замерзнуть – а красное солнце ухитрилось свалиться за горизонт. Постепенно темнело. Но Наде почему-то хотелось, чтобы Дима встретил ее,

пока она с Родей гуляет. Узнает ведь бешеная сосиска своего друга Полуянова, навстречу бросится, радостно облает. А потом уж и Надежда подойдет, сдержанно обнимет Диму на виду у всего двора.

Гуляли до полшестого, а друг-журналист так и не появился. Настроение у Нади потихоньку начало портиться, меркло вместе со студеным морозным днем. «Обещал ведь уйти с работы часа в три, в крайнем случае в четыре, и немедленно – сюда». Заели непрошенные мысли: «Что он там, в редакции, делает? Срочная работа навалилась? Или, наоборот, отмечает возвращение из командировки? Или еще какой праздник? Ведь гулянки у них, в редакции, никогда не кончаются. Бражничают там вместе с коллегами, вместе с Кирой этой ужасной?» С которой, Надежда была уверена, Полуянов раньше спал...

Но позвонить ему по мобильному (Димочка ей, кстати, на Новый год сотовый подарил) и выяснить все наверняка Надя не хотела. Гордость не позволяла: «Он задерживается, не я. Вот пускай сам и звонит!»

...Надежда, естественно, не замечала, что из стоявшего в дальнем углу двора белого «Форда Транзит» за нею наблюдает пара внимательных глаз. Иногда наблюдатель брал, для верности, лежащий перед ним бинокль и наводил окуляры на девушку. И он даже на расстоянии понял: к концу прогулки ее настроение заметно испортилось.

А Полуянов в то же самое время сидел на кухне (помещении, служащем подавляющему большинству бывших советских людей гостиной) и вел разговоры за принесенной им бутылкой сорокаградусной с охранником Матвеичем. На конфорке булькала и изрядно воняла уха – очевидно, из выловленной сегодня рыбешки.

– Слушай, ну как он, этот мужик, выглядел? – приступил Дима к допросу после первого дружно выпитого шкалика. – Тот, что рукопись мне принес?

– А зачем тебе это?

– Я ж объясняю, Матвеич: документы он мне принес, – начал врать Полуянов. Не рассказывать же всем встречным-поперечным, *что* в действительности было в конверте. – Документы – важные. Практически компромат. А ни адреса, ни имени отправителя нет ни шиша. Вот я и хочу мужика того найти. Спросить у него: где он документы взял? Как нашел? Поговорить надо с ним, понимаешь? Чтобы понять: не фальшивку ли мне впаривают.

Полуянов, как журналист опытный, знал, что рассчитывать на более-менее откровенные ответы можно, только если втолковать собеседнику, зачем ему, Диме, нужны сведения. И при этом он еще должен тебе поверить.

– Значит, ни имени, ни адреса мужика ты не знаешь, – ре-

зюмировал охранник, подцепляя из плоской баночки кусочек селедки в винном соусе. – А на что тебе тогда его внешность? Все равно не найдешь.

– А вдруг это мой знакомый? Или я его уже однажды видел? Вдруг по твоему описанию его узнаю? Ну, давай, Матвейч, не тяни. – И Дима наполнил высокие шкалики водкой.

– Стоп. Перерыв, – отмел намечающуюся вторую охранник. – Вспоминать будем... Значит, записывай.

Дима достал блокнот и взял ручку на изготовку. Он не сомневался, что и без того словесный портрет курьера запечатлется в его памяти до последней черточки – однако люди обычно обижаются, когда в ходе интервью корреспондент ничего не записывает, если не на диктофон, то хотя бы в блокнот: вроде как пренебрежение к их словам выказывает.

– Было это, значит, вчера с утра. Мужик роста невысокого. Не более ста семидесяти.

Дима занес данные в блокнот. Кивнул поощрительно:

– Уже хорошо. А как он выглядел?

– В шапке-ушанке он был. Шапка херовая такая, ношенная. Из кролика. Серая, кажется. Уши опущены.

– А лицо?

– В темных очках он был.

– В очках? А вчера в Москве солнечно было?

– Да-а, светило оно, блин, солнышко. Но не грело ни фуя.

– Значит, мужик, скорей всего, в редакцию на машине приехал?

– Почему это?!

– Ну, вел автомобиль в очках, чтобы солнце не слепило, а потом вышел из тачки, а очки забыл снять...

– Не! Не на машине он приехал, точно.

– Почему ты так решил, Матвейч?

– Такие люди на машинах не ездят.

– Такие – это какие?

– А пожмыханные.

– Какие?

– Ну, облезлые.

– Он что, облезлый был?

– Ага.

– А в чем эта облезлость проявлялась?

– Какая-то куртка... Выцветшая, что ли... Ботинки стоптанные... Не чищенные давно... Я, честно говоря, сразу подумал: придурок. С крышей не дружит...

– Па-анятно... Ценные сведения, Матвейч, даешь ты мне, зело вельми ценные...

Еще одно золотое журналистское правило: любой рассказчик нуждается в поощрении. Если он, конечно, дело рассказывает, а не шелуху какую-нибудь.

– А он спросил, как найти меня? – продолжил допрос Дима. – Хотел со мной лично встретиться? Или сразу конверт передал?

– Спросил, работает ли у нас журналист Полуянов. Я сказал, да. Он говорит: «Тогда пакет ему передайте». Я спраши-

ваю: «Чего там?» А он: «Просто рукопись». Ну, и все. А потом бочком, бочком, и к двери... Ах, елки-моталки, уха-то!..

Охранник опомнился, вскочил, бросился к бурлящей кастрюле. Выловил шумовкой изрядное количество рыб – все величиной с ладонь, выложил их на тарелку, а взамен всыпал в кастрюлю нарезанную уже картоху и полстакана манки.

– Ну, минут через двадцать поспеет, – с чувством законной гордости и полного довольства собой молвил рыболов.

– Давай тогда за твои рыбацкие успехи.

Дима наполнил шкалики водкой. Мужчины чокнулись, рыбак опрокинул свой стопарь, а журналист задержал огненную влагу во рту. Затем поднес к губам бокал с колодой, и, пока Матвеич наслаждался волшебным действием сорокаградусной на организм, выплюнул в бокал свою порцию.

Этому трюку с водкой Полуянова научила подруга его боевой юности, авантюристка Танька Садовникова.⁴ А ту наверняка просветил, в свою очередь, ее отчим, высокопоставленный чекист на пенсии Валерий Петрович: очень похоже на маленькие чекистские хитрости. Незаменимый фокус, когда приходится пить, а голова при этом должна быть ясной. Если достичь определенной сноровки, упоенные собутыльники ничего не замечают.

Некоторая доза спиртного все ж таки попала в организм,

⁴ Совместным приключениям Полуянова и Садовниковой посвящены две книги Анны и Сергея Литвиновых: «Отпуск на тот свет» и «Проигравший получает все», издательство «Эксмо».

и потому Диме вдруг подумалось с удивительной ясностью: «Лоб, уши и волосы *он* закрыл (имея в виду под *ним* странного гостя, принесшего отрубленный палец) шапкой-ушанкой. Глаза – солнцезащитными очками. А рот?»

– А борода у мужика была? – спросил Дима. – Или усы?

– У какого мужика?.. – Матвейч пару секунд въезжал, что называется, в тему, а потом выдохнул: – А-а, ты все о нем... Не, усов у него не было. И бороды тоже.

– А какой у него рот был? И нос?

– Какой-какой!.. – вроде даже сердито откликнулся старый рыбак. – Рот как рот. Нос как нос. Че я тебе еще могу рассказать?!

«Н-да, кажется, я выудил у него все, что мог», – подумал Дима, а вслух сказал:

– Ну, давай, Матвейч, по одной на посошок, и я побежал.

– Как побежал?! – возмутился собутыльник. – А уха?!

Полуянову совершенно не улыбалось хлебать уху из рыб-мутантов, выловленных в смеси серной и соляной кислоты (в которую давно уже превратились подмосковные речушки и водохранилища), и он твердо отверг предложение:

– Не могу, старина. Надо срочно заметку в номер писать. На первую полосу. Завтра с утра сдавать, а у меня еще конь не валялся.

– Пренебрегаешь? – с оттенком угрозы произнес охранник.

– Просто очень спешу, – миролюбиво откликнулся Дима.

Взгляд Матвейча упал на недопитые полбутылки огненной воды. После ухода гостя он сможет сосредоточить на ней усилия единолично, заедая их ухой. Тоже не кислый вариант.

– Ну и фуй с тобой, – разрешил старый рыбак. – Чеши, раз ты такой занятой.

Они заглотили по последней, обнялись на прощание (водка, выпитая на кухне, удивительно способствует сближению мужчин – если только не перебарщивать). Затем Дима вывалился в загаженный подъезд, потом – в ледяную ночь, где хрустел снег и даже, казалось, сам воздух. Запоздавшие прохожие торопились домой. Полуянов глянул на часы. Мать честная, уже половина девятого! Как незаметно летит время, когда на столе появляется водяра, – даже если ею не злоупотреблять.

Дима вышел на мостовую и поднял руку, привлекая таксистов, частников, маршрутку – кого угодно, лишь бы вывезли его отсюда и доставили наконец к Надюхе. Какая-то смутная, несформулированная идея болталась в мозгу... Как-то имела в рассказе охранника неправильность, нестыковка... Что-то такое саднило. А что конкретно – Полуянов своим слегка опьяневшим мозгом не мог понять...

Тормознула «шестерка». За рулем – джигит. Азербайджанцы заполонили рынок столичного частного извоза. Дима уж и не помнил, когда он ездил на такси с русским шофером.

– Куда? – прозвучал гортанный вопрос.

- Улица Малыгина.
- Дашь скока?
- Сто пятьдесят.
- За двести поеду.
- Идет.

И в тот момент, когда Полуянов взгромождался на переднее сиденье – с уже порядком опостылевшей ему за сегодня командировочной сумкой, – он вдруг понял, что за несоответствие терзало его изнутри последние минут двадцать.

Мужик, принесший в редакцию «рукопись», а точнее отрубленный женский палец, выглядел, судя по описанию охранника, типичным фриком, графоманом, сумасшедшим. Пожмыханный, как он сказал. Нечищенные ботинки, кроличья шапка, старая куртка. Но вместе с тем адресат на конверте: «*Молодежные вести*», *Дмитрию Полуянову* – был отпечатан на хорошей бумаге, на хорошем (скорее всего, даже лазерном) принтере. Совершенно не вязались вместе компьютер с принтером и ободранные ботинки и куртка...

...Когда душа уже была готова оторваться от тела... Кажется, это было тогда, – в больничке... Когда боль и унижение были особенно сильны... Когда уже приоткрывались ворота, чтобы уйти навсегда... Тогда, на границе между забытьем и явью, вдруг явилась она, Мать...

Лица не видно, лишь различим в ночи смутный, но хорошо знакомый родной силуэт. И – голос. Это был Ее голос, в

этом можно было не сомневаться.

И ее голос проговорил, спокойно и плавно (и оттого торжественно). Проговорил одновременно и ласково, и утешающе, и неколебимо уверенно. Он произнес всего одну фразу:

ТЫ ЕЩЕ НЕ ВЫПОЛНИЛ СВОЕГО ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ!

Голос прозвучал – и через мгновение исчез. И Она – тоже исчезла. И даже не успеть было спросить самое главное: а в чем оно заключается, сие Предназначение?

Эта мысль сверлила голову в течение ночи, однако ответ так и не появлялся.

А утром стало понятно, что нет, тело еще не готово умирать, как бы ему ни было тяжело и страшно... А потом сам собой пришел вопрос: «Так в чем оно состоит, это его Предназначение?..» И приходилось ломать голову долгими днями и ночами, что помогало отрешиться от страданий, расслабиться – и в итоге выжить...

И только недавно с ослепительной ясностью стало очевидно, о чем говорила тогда Мать. И в чем оно состоит, сие Предназначение на земле. Да! Да! Да!

Да, все стало на свои места. Надо выполнить Предназначение, и тогда можно спокойно уйти.

Мама будет довольна.

Глава 2

Надька на него вчера полвечера дулась. Как будто право имеет. Ну, подумаешь, обещал он приехать часа в четыре, а появился в десять. Но ведь он же ра-бо-тал! Неужели не понятно? У него профессия такая. Рабочий день – равно как и ночь – не нормирован. Журналист не приходит, как какой-нибудь *мэнагер*,⁵ со службы в семь часов. И не будет приходить. И всегда могут возникнуть обстоятельства, когда ему нужно экстренно – днем, вечером, ночью – куда-то мчаться. Собирать срочный материал, ловить нужного человека, писать репортаж в номер.

На естественный Надин вопрос: «Почему ж ты не позвонил, убоище?! Изверг рода человеческого! Я ж волновалась!» – последовал полуяновский не менее естественный ответ: «А зачем звонить? Я ж не знал, когда освобожусь и смогу приехать».

Словом, никакого взаимопонимания они не достигли, Надька отправилась спать, а Дима съел в одиночестве ужин – мясо с картошкой. (Вкусно, надо сказать. Что-что, а готовить Надежда умеет.) С горя и с устатку хлопнул две рюмки водки, залежавшейся в холодильнике еще с Нового года. Принял наконец душ, выкинул грязное белье из сумки в стирку –

⁵ Мэнагер – искаженное «менеджер».

и тут обнаружил фарфоровую чашку питерского завода (вот балда, даже забыл подарить Надьке презент из командировки!). А потом сон сморил его настолько, что Полуянов рухнул рядом со спящей Надей. Завернулся во второе одеяло и даже домогаться ее не стал.

Проснулся Дима в несусветную рань: в четверть седьмого – от сушняка, но в бодром, развеселом настроении. Дворники уже шкрябали лопатами, убирали выпавший за ночь снег. Многие окна в доме напротив светились. Кое-кто, закутанный, поспешал на автобусную остановку. Сосед раскоचेгаривал стоящую под окном «пятерку», с ревом прогазовался. Термометр показывал, что на улице минус двадцать семь.

Дима хлопнул стакан минералки, затем опрокинул чашечку кофе – а потом отправился выгуливать Родиона, который уже бешено носился по кухне, тыкался носом и молотил хвостом по табуреткам. Во время короткой, но весьма бодрой прогулки Диме пришла в голову замечательная идея, как с Надеждой примириться. Он погнал развеселившуюся таксу домой.

А когда вернулся, налил в новую, купленную в Питере фарфоровую чашечку кофея – и подал Наде в постель. За подобные поступки девушки обычно отдавали журналисту все самое дорогое, что у них есть.

Надюшка не стала исключением. Поцеловала, потрепала волосы – а закончилось все бурным сексом. Пришлось радио включать на полную громкость, чтобы соседей не смущать.

Потом они вместе пошли в душ – и там опять полюбили друг друга.

Когда все кончилось, Дима подумал (чего он никогда, конечно, не скажет Надежде): «Когда случается такое счастье, что и ты любишь, и тебя любят, секс получается намного вкуснее, ярче и безоглядней, чем если в постели сводят вас другие чувства: одиночество или просто похоть. Или меркантильные соображения. Или желание кому-то досадить... Словом, секс вместе с любовью гораздо приятнее, нежели без любви. Надо же, – самоиронично подумал он, – не исполнилось мне и тридцати, а я своим умом дошел наконец до понимания сей простой истины».

Потом Надька выжала апельсиновый сок и сделала горячие бутерброды, и они дружно позавтракали, а Дима рассказывал попутно о Питере, о своих командировочных успехах, о написанной уже статье. Историю с женским мизинцем в конверте Полуянов предусмотрительно решил замолчать.

– А о чем ты мне вчера хотел сказать? – поинтересовалась Надя.

– Я? Тебе?

– Ну да, вчера, когда из Питера приехал, ты мне звонил и что-то такое говорил.

– Не помню.

– Н-да? – Надя сразу увяла.

– Нет, помню. Но не сейчас, не наспех. Потом, может быть, вечером.

– А что у нас будет вечером?

– Ну, отписался за командировку я вчера. Так что могу чувствовать себя почти вольной птицей. Поеду за машиной. Заряжу аккумулятор, потом на работу. А вечером мы с тобой можем куда-нибудь сходить.

– Например, куда?

– Например, в кино. А предварительно перед этим перекусим где-нибудь.

– М-м, звучит заманчиво. Созвонимся?

– О да.

...По пути к себе на Краснодарскую улицу Дима понял, что общественным транспортом он уже сыт по горло. Народу до краев, и эти бесконечные пересадки... Пусть на личном автомобиле ты в Москве скорее не передвигаешься, а сидишь в пробке – но зато сидишь на теплом мягком сиденье, в одиночестве, и слушаешь музыку, и думаешь о чем-то приятном. Например, о том, что вечером, после кафе и кино, снова окажешься с Надей в постели... А он ведь брякнул, и она ждет от него каких-то важных слов, и их, наверно, надо будет все-таки произнести – сегодня... Но страшно...

...Первым делом, достигнув района, где был прописан, Полуянов отправился к своей машине. Попробовал ее завести – и, о чудо! – его железная ласточка отозвалась: бодро прокрутился стартер, с полоборота схватился движок. Никакого аккумулятора и заряжать не понадобилось! Что значит иномарка, да еще и новая!..

В знак благодарности к послушной ласточке журналист тщательно расчистил снег с ее крыши, стекол и боков. Затем подрулил к собственному подъезду со всеми понтами, на четырех колесах.

В подъезде поздоровался с консьержкой, открыл почтовый ящик. Газет Полуянов не выписывал – хватало тех многочисленных, что он прочитывал и просматривал на работе. Переписки посредством обыкновенной почты тоже ни с кем не вел. Запросто обходился «мылом» – почтой электронной. В ящике в подъезде обыкновенно оказывались счета, бесплатные газеты и рекламные листовки. И сегодня – то же самое. В лифте Дмитрий бегло просмотрел бумажный мусор. Предлагают установить пластиковые окна, застраховать машину по ОСАГО, приглашают на открытие гипермаркета. Плюс – счет за один телефонный разговор. И еще конверт с его именем и адресом, но без обратных координат. Наверняка директ-мейл, прямая рассылка.

Дома Дима свалил макулатуру на тумбочку, прошествовал на кухню, включил телевизор. Решил вознаградить себя за утренние достижения: дальнюю езду на метро из Медведкова в Марьино и заведшуюся с полтычка машину. Подарком станет настоящее эспresso в кофейном автомате. Гостя у Надежды, Полуянов скучал по своей кофе-машине, однако не торопился перевозить ее – как и прочие любимые вещи. Все ему казалось, чем больше своего он перетащит к Наде, тем меньше у него станет свободы и тем ближе он окажется

к роковому моменту женитьбы. Но теперь, когда он делает ей предложение, – можно и кофеварку эспрессо перевозить.

Полуянов пощелкал программами на кухонном телевизоре. Одиннадцать утра, смотреть решительно нечего. Остановился на столичных новостях. Кофейный автомат зашумел и выплюнул порцию кофе.

Дима вспомнил о нераскрытом конверте и вернулся в холл. В конверте помещался твердый и плотный лист. Гораздо плотнее, чем обычная бумага. Почему-то Полуянову вдруг вспомнился страшный вчерашний пакет с отрубленным пальцем. «Чепуха, – сказал себе он. – Какая-нибудь реклама пиццы на дом: салат «Цезарь», «Четыре сыра», доставка в течение двадцати минут...» Но сердце все равно противно екнуло.

Ножницами Полуянов вскрыл пакет. Внутри оказалась фотография. Черно-белая.

Фотка была сделана, очевидно, скрытой камерой. Снимали, судя по всему, хорошей «зеркалкой» – Дима непроизвольно, как профессионал, оценил качество снимка. Применяли, похоже, мощный «телевик», потому что объект, не подзревающий, что его снимают, был виден как на ладони. И еще: судя по зимней одежде и снегу на заднем плане, фотографию сделали совсем недавно.

Сознание Полуянова цеплялось за эти детали – потому что не хотело вдумываться в самое главное, самое страшное. Тайно сделанное фото запечатлело Надю.

А вместо глаз у нее были две прожженные сигаретой дырки с оплавленными краями.

* * *

Дима позвонил гораздо раньше, чем Надя рассчитывала. Всего-то в половине двенадцатого. Оттого что Надежда не ждала звонка столь рано, к рабочему телефону, стоявшему на столе в читальном зале отечественной истории, первой подскочила Кристина, малышка-глупышка. Она и раньше, до того, как Митрофанова стала с журналистом по-настоящему *встречаться*, бросала на парня двусмысленные косяки и даже внаглую приглашала Полуянова «проводить ее до дома» или «выпить по чашечке кофе». А уж теперь, когда Надя стала жить вместе с Дмитрием, прямо аж извелась. Почему не она? Почему Надя? Слишком старая (как казалось глупышке), толстая и правильная. Иногда Надежде думалось, что отбить у нее Полуянова стало чуть ли не целью существования Кристи. Хотя бы рога ей наставить, чайник на нос прицепить. По телефону она разговаривала с Димочкой самым томным тоном, а когда видела его с Надеждой, бросала ему откровенно жгучие взгляды, выпячивала тощую грудь и не упускала ни единой возможности погладить журналиста по руке или по плечу. Не понимала, дурища, что таких, как она, – с голубыми глазками и ватными мозгами – по Москве бегают сотни, тысячи, миллионы. И если бы Ди-

ма за эффектной фактурой охотился – он нашел бы ее где-нибудь в другом месте, а не в Историко-архивной библиотеке. На журналиста-то и миллионерши западали, и настоящие модели с подиумов, не чета кривоногой Кристинке. Однако огульно списывать сослуживицу со счетов было бы непростительным ротозейством. С мужиками вообще надо постоянно быть настороже, поелику они суть существа мало предсказуемые и легко воспламеняющиеся. Хуже малых детей.

Вот и сейчас Надежда прислушалась: кому это там Кристинка пропела в трубку со столь сексуальным (как ей самой казалось) придыханием?

– Я так ра-ада тебя слы-ыша-ать!.. И я, Ди-имочка!..

Митрофанову кольнула мгновенная ревность. Гадючка! Какое она имеет право столь фамильярно обращаться к журналисту? Или – вдруг почему-либо *имеет*?

Но, очевидно, на сей раз Полуянов (которого любая пустоголовая красотка могла развести на кокетливый треп – и, увы, вероятно, не только треп) бросил девчужке что-то нелцеприятное. Потому что Кристинка переменилась в лице, скривилась, словно ее чистым уксусом напоили, и довольно зло сказала Митрофановой:

– Твой звонит!.. – И фыркнула: – Мужлан!.. А еще журналист!

Надя выхватила трубку:

– Привет, Димка!

Голос, раздавшийся ей в ответ, оказался взволнованным

и напряженным.

– Надя, у тебя все в порядке?

– Да, – недоуменно произнесла она. – Все в порядке. А что?

– Надя, я тебя попрошу: никуда сегодня из библиотеки не выходи. Ладно?

– Почему? А мы с девчонками в кафе пообедать собирались... – сообщила Надежда.

– Не надо! Не надо никуда ходить! – взволнованно прокричал Полуянов. – У вас в библиотеке пирожки вкусные – вот и пообедайте в буфете пирожками!

– Да что случилось-то?

– Я все расскажу. Но – потом. Не по телефону.

– Ну, ладно...

– Я заеду за тобой. Прямо к концу твоей работы. Но ты меня не внизу, не на крыльце жди, ладно? Оставайся в зале. Увидишь в окно, что я подъехал, «Короллу» мою увидишь – только тогда и спускайся. Поняла?

– Да что происходит-то?

– Я все объясню при встрече.

– У нас в зале окна не на улицу выходят, а во двор, – позволила себе покапризничать Надя. – Я тебя не увижу.

– Значит, постоишь у окна в коридоре, – отрезал Дима. – И еще. Не разговаривай ни с кем посторонним. Ни по телефону, никак. Ни от кого не принимай никаких вещей. И, пожалуйста, все время будь на виду. Рядом с другими людьми.

Поняла?

Голос друга звучал весьма взволнованно, поэтому у Нади лишь достало слабо пошутить:

– Почему ты опеку такую надо мною взял? Приступ ревности?

– Хуже.

– Ты можешь объяснить, в конце концов, в чем дело?

– Я уже говорил: не сейчас. И не по телефону... Я тебя прошу: пожалуйста, будь осторожна. Я буду звонить в течение дня. И – жди меня вечером.

* * *

Дима еще раз бросил взгляд на страшную фотокарточку. Выжженные сигаретой глаза.

Похоже на языческий обряд. Колдовство вуду.

И еще – на какую-то чисто женскую разборку.

Маленькую ехидную бабскую месть.

Или, может, и вправду это угроза?

Может, ему таким образом пытается отомстить какая-то девушка? Им, так сказать, соблазненная и покинутая?

Может, та же Кирка? Она как раз и фотографирует хорошо, и фотик редакционный с телеобъективом имеет... Но ей-то зачем надо такие фортели выкидывать? Да, он дал слабину. Они два раза с Киркой переспали – еще до того, как Диминой *постоянной девушкой* стала Надежда. Одна-

жды это случилось после общередакционной пьянки. Второй раз, когда всей конторой ездили на выходные на экскурсию в Ростов Великий. Но Дима ничего Кирке не обещал. И оба случая произошли, что называется, по обоюдному согласию (правда, когда головы обоих были здорово затуманены спиртным). Вдобавок он хорошо понимал (или думал, что хорошо понимает), зачем понадобилась коллеге интрижка с ним. Во-первых, его голос в редакции далеко не последний, и теперь он на всех планерках и «топтушках» защищает – не может не защищать как благородный человек! – Киркины материалы. Во-вторых, головокружение от вина, любопытство, его имидж сладкого любовника... Не могут устоять девушки пред его чарами...

«Нет, нет! – воскликнул про себя Полуянов. – Не могу понять, зачем Кирке угрожать Наде!»

Разошлись они с ней нормально... Верней даже не разошлись, а просто оборвали свой производственный роман. И никаких не было тебе слез, скандалов и объяснений. Вот и вчера он Кирке «Оскара» шоколадного из Питера привез, а она обрадовалась, запрыгала, в губы его расцеловала... Неужто притворялась, а у самой на сердце – яд? Да нет, это ж какой актрисой надо быть, причем старой школы, на уровне Тереховой или Чуриковой, чтобы столь умело притворяться!.. К тому же у Кирки сейчас и постоянный парень, кажется, имеется: она вроде даже рассказывала: он – сисадмин в крупной фирме, на «Нексии» за ней после работы заезжа-

ет...

И потом: Кирку можно было бы в чем-то подозревать, если б фотография была одна, *сама по себе*... А вчерашний палец? Отрубленный женский мизинец? Бр-р, едва вспомнишь об этом, и холодок бежит по спине...

Полное ощущение, что обе посылки – дело рук маньяка. Что-то за ними стоит нехорошее. Гадкое, неразумное, сумасшедшее. Да-да, вот именно – сумасшедшее. Ужели слово найдено?

Итак, отправитель фотографии и пальца – псих. Или – психопатка. Почему-то возникло у Полуянова чувство, что оба письма прислал ему душевно нездоровый человек. Наверно, из-за маникюра на отрубленном пальце... Или из-за этих выжженных Надиных глаз... Почему-то показалось Диме, что за обеими посылками стоит женщина...

Минуточку, но «рукопись» в редакцию принес мужчина. Да, мужик, однако же – странный мужик. В шапке, надвинутой на лоб, с опущенными ушами. В черных очках. Ниже среднего роста. Вполне может быть, что таким образом замаскировалась женщина... Или, что вернее, она курьера для передачи нашла? Какого-нибудь алкаша из ближайшего магазина?

«И что же, она, чтобы меня попугать, сама себе мизинец отрубила?! Бред какой-то! Ты бредишь, Димуля!...»

Чтобы отвлечься, он рассмотрел конверт, в котором прислали угрожающее фото. Адрес напечатан *на лазерном прин-*

тере. Кажется, на том же самом, что и адрес на пакете с пальцем. Жаль, сверить нельзя, потому что пакет – на экспертизе у майора Савельева.

А послано письмишко, судя по штемпелю, три дня назад. Отправлено – с Главпочтамта на Мясницкой. Очень грамотно и разумно. Совсем не похоже на деяния сумасшедшего. На главной почте страны ежедневно тысячи людей бывают, и пойдя установи, кто депешу в один из многочисленных почтамтских ящиков бросил.

Так, дальше. Судя по штемпелю, на местную почту послание прибыло вчера. А сегодня утром его бросила в Димин ящик почтальонша... Вырисовывается интересная хронология: три дня назад (Полуянов в командировке в Питере) НЕКТО отправляет ему с Мясницкой опоганенное фото Нади. На следующий день тот же НЕКТО (или другой?) заявляется в редакцию, чтобы передать ему, Диме, окровавленный палец... Сделаны два хода.

И почему-то Полуянов решил, что это – не последний ход. Что это не конец, и назревает, напрашивается следующий шаг...

Не дай бог! Трудно даже представить, каким он будет...

И тут (видимо, по ассоциации с размышлениями на эпистолярную тему) Диме вспомнилась одна история... Давняя история... Но она... вполне могла быть подверстана под идею о ненормальной женщине, мстящей журналисту... Точнее, история была даже о ДВУХ ненормальных дамах...

...Итак, он закончил четвертый, предпоследний курс университета. Боже, как давно это было! Полуянов, с одной стороны, студент. А с другой – уже успешный и заметный журналист (благодаря своим публикациям в «Молодежных вестях»). Жизнь казалась ему в тот момент чем-то вроде трамплина, по которому он все разгоняется и разгоняется – и совсем скоро оттолкнется от него и отправится в дальний красивый полет...

Сдана сессия. Парней посылают на военные сборы.

Естественно, и день, и ночь перед выездом на сборы проходят в проводах – то есть в непрекращающейся гулянке. Двадцать первое июня. Самый длинный день в году. Сначала пляж в Серебряном Бору, затем чья-то огромная квартира на Кутузовском проспекте. А наутро им следовало явиться на военную кафедру с вещами. А утро, наступающее после самой короткой ночи в году, – утро двадцать второго июня...

И оттого, что действует переключка дат с роковым сорок первым (очевидно, всосанная поколением Полуянова с молоком матери), и оттого, что выпито уже немало, в какой-то момент ему вдруг представилось, что вовсе не на военные сборы (всего-то на месяц!) они отправляются, а – в действующую армию. Может быть, даже на войну.

А почему нет? По тогдашней жизни ничто не исключалось. Все было возможно. Время-то шло какое!.. В прошлом октябре танки били прямой наводкой по Белому дому. До сих пор беспокойно в Абхазии и Приднестровье. Что-

то непонятное и неприятное заваривается, нависает в Чечне – возможно, и там начнутся боевые действия... А ведь есть еще и Южная Осетия, и воюющая Югославия, и... И кто знает, куда Верховный главнокомандующий, большой пивун, драчун и забавник, прикажет завтра направить войска – включая свежеиспеченных лейтенантов, без пяти минут специалистов по психологической борьбе... Поэтому накатывало тогда на Диму временами ощущение – генетическая память, что ли, отвязавшаяся под воздействием водки «Распутин»? – что не на мирные сборы они завтра отправляются, а напрямик на фронт...

В той огромной квартире на задворках Кутузовского проспекта присутствовали, естественно, не только парни, но и девчушки – какие-то не факультетские, не свои. Откуда-то взявшиеся пигалицы из областного педа: курс, наверно, первый...

За полночь вся компания вывалилась на старинный сталинский балкон. Под ними вел свою хлопотливую жизнь троллейбусный парк: вспыхивали, словно выстрелы из темноты, искры на контактных проводах... А потом вдруг пошел короткий, но мощный ливень, и вспышки молний, и раскаты грома над самым балконом казались канонадой... Будто артиллерия била прямой наводкой...

Дима даже не заметил, как они остались на балконе вдвоем с маленькой и худющей Юлей – она целый день, и на пляже, и в квартире, и вечер напролет во все глаза смотрела на

него... А потом резкий порыв ветра вдруг накрыл их обоим облаком косога дождя... И он взял девушку за руку и утащил ее с балкона, и они оказались в пустой комнате – народ рассосался по углам и закутам большущей шестикомнатной квартиры... И Дима со смехом стянул с себя насквозь промокшие рубашку и джинсы, а затем приступил к девушке и стал целовать ее мокрые щеки и пухлые страстные губы...

– Ты будешь ждать меня, Юля?

– Да.

– Что бы ни случилось?

– Да. А ты? Ты, Дима, вернешься – ко мне?

– Да.

– И мы все-все время будем с тобой?

– Да.

Гром, дождь, вспышки троллейбусных искр провоцировали диалог в мужественном стиле Хемингуэя. От раскатов грома и завтрашней неминуемой разлуки казалось, что эта худая девчушка, лежащая рядом с ним, – чуть ли не последняя, чуть ли не единственная женщина на свете...

– Ты обязательно вернешься.

– Ну конечно.

– И мы будем вместе.

– Да.

– Навсегда.

– Угу.

– И я выйду за тебя замуж.

– Да.

Для него это было как игра. А для нее? Неужели она и вправду верила в то, о чем они говорили в постели – в уже давно немодном телеграфном стиле лейтенантов и охотников на слонов?..

С первыми автобусами компания покинула гостеприимную обитель. Шестикомнатка на Кутузовском, как выяснилось, принадлежала Юле. И училась она не в педде, а в МГИМО.

Дима остался с нею в квартире вдвоем. Девушка накормила Полуянова подгоревшей яичницей и настояла, что проводит Диму до пункта сбора. Все было как всерьез, словно в пьесах Розова и фильме «Летят журавли».

У факультета, под изумленными взглядами товарищей (что это за пигалицу Полуянов притащил?), Юля бросилась к нему на шею и изо всех сил, будто в последний раз, обняла – в тот самый момент, когда раздалась команда: «По маши-инам!»

– Дима, я буду тебе писать.

– Хорошо.

– Каждый день.

– А я – тебе. Как только смогу...

И еще долго она махала рукой, пока автобус, увозивший Диму, не скрылся за поворотом на Тверскую... И в тот самый миг, когда Юля исчезла за углом, он подумал, что все кончилось, она ушла из его жизни. Конец. И никакого жела-

ния ничего продолжать. И Юля, если этого еще не поняла, то скоро поймет – так же, как уже понимал он...

...Форма Полуянову шла. Пилотка сидела заливчато, ремень подчеркивал узкую талию и широкие плечи. Каждый вечер Дмитрий пришивал на гимнастерку подворотничок из старой, но белоснежной тряпки и драил сапоги гуталином из десятилитровой канистры. По утрам рота пробегала три километра по стадиону военного городка – в кирзовых сапогах и синих сатиновых трусах. По вечерам маршировали, впечатывая сапоги в асфальт под старинную строевую песню: «Уходил я в армию в но-я-бре, провожала милая на за-ре!.. На-а-а за-ре, на-а-а за-ре, провожала милая на заре!..» К тому же они стреляли из «макаровых», сидели в противогазах и костюмах химзащиты в палатках, наполненных отравляющими газами, и даже по желанию (Дима пожелал) несколько раз прыгнули с парашютом.

Он не ждал от Юли никаких писем. Их и не было – шесть дней.

А на седьмой – пришли все семь. Семь толстенных конвертов, переполненных Москвой, бытом – и любовью.

«...Я спать боюсь, потому что мне снишься ты, и мне больно от этих снов. Жутко знать, что ты далеко, Димушка. Не думай сейчас ни о чем плохом и трудном, помни одно: никого у меня нет нужнее тебя, и я очень ждусь, когда ты вернешься...»

И далее в том же духе. Полуянов не испугался столь силь-

ного накала чувств, но – напрягся. Слегка напрягся. Отпи-
сался коротким юмористическим произведением. Воспевал
(цитируя устав) «тяготы и лишения воинской службы».

А потом послания от Юлии бесперебойно поступали с
каждой почтой. Градус любви не снижался. «...*Письмо, о ко-
тором ты писал, что весь день таскал в своей гимнастерке,
я десять раз поцеловала, а теперь оно лежит у меня под
подушкой...*» Столь горячее чувство льстило воину, чуть не
впервые столь надолго оторванному от дома.

Всерьез насторожило его пришедшее на сборы послание
матери. «Мамочка, мамочка, как ты беспокоилась всегда обо
мне – и о возможной злой жене тоже!» Тогда Евгения Ста-
ниславовна еще была жива, работала врачом, и они с Димой
жили вместе.

*«Сегодня ко мне домой приходила твоя новая девушка –
Юля. Она очень мила, очень худа, приветлива – и очень юна.
О тебе, Дима, она говорит с нескрываемым восхищением,
даже с каким-то придыханием. Из контекста ее речей я
поняла, что она считает вашу свадьбу делом решенным.
Юля уже чуть ли не называет меня мамой. Я, конечно, все-
гда подчеркивала, что женитьба – это дело твое, и толь-
ко твое, но если ты собрался совершить сей важный шаг в
твоей жизни, я думаю, тебе надо было предварительно по-
ставить в известность меня...»*

Вот тут Полуянов взъярился. «Какого черта! Что это де-
вица себе вообразила?! Как смеет являться без спросу в мой

дом?! Травмировать маму разговорами о женитьбе?! И откуда она вообще домашний адрес мой узнала?! Да она сумасшедшая, в конце концов!...»

Письма от Юли и далее поступали с редким постоянством: раз в день. Дима, в свою очередь, решил ей больше не писать. Он не станет объясняться с ней на пятисоткилометровом расстоянии. Он даст ей отповедь лично. В Москве.

«Я знаю, когда вы прибываете в Москву, и уже считаю часы до этого момента. Конечно, тебе надо повидаться с мамой – и это еще как минимум плюс два часа нашей разлуки... Но потом... Потом, я думаю, ты сразу приедешь ко мне; родители мои – как, впрочем, и все время – на даче; но ты не бойся, я тоже сумею тебя накормить, поэтому ты у своей мамы ешь, пожалуйста, немного; я тебе приготовлю кое-что вкусненькое – а что, это секрет...»

Последнее письмо почему-то произвело самое неприятное впечатление – может быть, оттого, что было написано красными чернилами. А еще два письма, поступившие в часть в последний день сборов, Полуянов решил даже не вскрывать. Сунул в свой рюкзак: «Когда-нибудь после прочту!...»

А дальше все развивалось по сценарию, предсказанному Юлией в письме, написанном красным. Дима действительно заехал на пару часов на проезд Шокальского к маме, где принял душ, переделся, а мамочка его накормила, – а потом помчался на Кутузовский к Юле. Если быть честным, его ве-

ло не одно только намерение дать ей отповедь и покончить с этой историей. Ох, не только. Месяц в казарме, месяц без женщин – а ему только двадцать один исполнился... Бушует, волнуется кровь, играют гормоны... И еще он думал (что греха таить!): может, он не разглядел подлинной, настоящей, великой любви? Может, Юлия, несмотря на некоторую бредовинку, – та самая избранница, которая и нужна его мятущейся душе?

...Едва он вошел во двор, как увидел ее фигурку. Юля стояла на том самом балконе и в печальном ожидании смотрела на арку, в которой он должен был появиться. Едва только она увидела Полуянова, ее лицо исказилось радостью, и она тут же исчезла с балкона. И не успел Дима подойти к подъезду – Юля выскочила оттуда, как была, в халате и тапочках, и с криком: «Ди-имушка-а!..» – повисла у него на шее.

Конечно, мужчина слаб. Правда, сейчас в свои тридцать с хвостиком Полуянов сумел бы выдержать характер. И в последний день – вечером, намеченным для расставания, – не стал бы укладываться с девушкой в постель. Но в двадцать один год... После месяца воздержания... После всех шуточек и анекдотов казарменных жеребцов... Короче, не успел Дима опомниться, как они оказались на диване в той же комнате – там уже было расстелено накрахмаленное белье, курились восточные благовония, а у изголовья поджидала бутылка французского шампанского в серебряной чаше

со льдом... После того как все кончилось, Юля сначала истерически расхохоталась, а потом разрыдалась на его груди...

Спустя пару минут, чувствуя себя последней сволочью, Полуянов выскользнул из-под одеяла и стал натягивать джинсы.

– Ты что, уходишь?! – потрясенно спросила Юля, сверкая глазками из-под одеяла.

– Да, ухожу, – бухнул Дима. – Навсегда.

– В смысле?!

– Нам надо расстаться.

– Расстаться?! Почему?! Зачем?! Да ты что?! Мы же... Мы же только что встретились!..

– Извини, Юль, я, наверное, гад и скотина и совершенно тебя не стою... Но я не могу ответить на твои чувства, – наконец выдавил он заготовленную фразу. И припечатал: – Ничем не могу.

– Но ты же... Мы же... – Девушка от шока не могла произнести ничего членораздельного. – Ты же говорил... Ты же хотел...

– Ничего я тебе не говорил, ничего не хотел и ничего не обещал, – тоном сурового судьи провозгласил Полуянов.

– Не-ет!! – отчаянно выдохнула Юля. А потом вскочила, голая, на ноги на диване и закричала еще громче, так, что у Димы в ушах зазвенело: – Не-е-ет!!!

Руки и ноги ее подрагивали, словно в лихорадке.

Полуянов лишь пожал плечами.

И тогда Юля схватила так и не раскупоренную бутылку шампанского и запустила ею прямо в Диму. Он еле успел уклониться. Бутыль бухнула о стену и с грохотом, с пенными брызгами разорвалась на десятки осколков. Один из них, острый словно шило, вонзился в Димино плечо – но в первый момент он не почувствовал боли. Тем более что за бутылкой последовала ледница со всем своим содержимым. Чаша ударилась о стену, издав сильнейший металлический звон, а затем рассыпала кубики льда по всему полу. А потом девушка сама тигрицей бросилась на Диму, целя растопыренными пальцами с острыми ногтями прямо в глаза. Полуянов еле успел перехватить ее за локти – и швырнул обратно на постель. Несмотря на Юлины маленькие габариты и худобу, справиться с оскорбленной женщиной было не просто. Она успела зацепить Диму ногтями по груди. Из плеча, куда вонзился осколок бутылки, текла кровь. Дима и Юля тяжело дышали.

– Все, с меня хватит, – холодно произнес Дима. – Я ухожу. Мы больше не увидимся.

– Поберегись, Полуянов! – зловеще прошептала Юлия. – От меня еще никто просто так не уходил!

Дима пожал плечами, стер кровь рукой. Надел рубашку и, застегивая пуговицы, пошел к входной двери. И тут Юля издала отчаянный вопль, вскочила с кровати – но бросилась не к своему обидчику, а в другую сторону, в глубь прохладной квартиры. Мгновение – и она оказалась уже в столовой,

выходящей окнами на проспект. Еще через секунду распахнула настежь широкие рамы и запрыгнула на подоконник. Затем, развернувшись, обиженно, но победоносно взглянула на вбежавшего за ней Полуянова.

Что ему еще оставалось? Не убежать же. Юноша подошел поближе. Тогда он проклинал тот день, час и секунду, когда связался с этой бешеной.

– Я прыгну, – исступленно прошептала она. – Если ты уйдешь, я прыгну.

В ее глазах сверкал нездоровый огонек.

Не приближаясь к Юле, Дима сел в старинное, сороковых годов, кожаное кресло. Сказал спокойно, медленно, степенно:

– Сейчас воскресенье, вечер. Все возвращаются с дач. На проспекте полно машин. Куча народу.

Юля против воли оглянулась, посмотрела вниз, побледнела. Закусила губу.

Дима тем временем продолжал тихо и смиренно:

– И что же они увидят? На асфальте лежит девушка. Непричесанная. Неприбранная. С расплывшейся тушью. К тому же – голая, все изъяны фигуры на виду...

Только тяжелое дыхание да сцепленные в замок руки могли выдать волнение Полуянова, но его голос, он надеялся, звучал спокойно и ровно.

– К тому же ты порезалась. Об осколок от бутылки. Из ноги кровь идет.

Юля посмотрела на свои ноги. Ойкнула. Села на подоконник. Слава богу, подумал Дима, один шаг навстречу жизни она сделала. Юлия водрузила раненую ногу на коленку другой. Стала вытаскивать из подошвы застрявший стеклянный осколок. Перемазала руку кровью.

– Давай я помогу, – предложил Полуянов и подошел к ней вплотную. – Я сын врача, а значит, сам почти что врач.

Дима нащупал стеклянную занозу, ухватил ее ногтями и вытащил.

– Ай! – вскрикнула Юля отчаянно, а потом вдруг словно обмякла и повалилась вперед, в объятия юноши. Он едва успел ее ухватить, а не то она свалилась бы на пол.

Девушка почти ничего не весила, и все ее мышцы были расслаблены. Дима подхватил ее на руки и отнес в ту самую постель, что предназначалась им в качестве брачного ложа. Уложил, укрыл одеялом, заботливо его подоткнул. Глаза Юли были закрыты. «Ей нужна нянька, а не муж, – подумал он одновременно и со злостью, и с состраданием. – Где, интересно, пропадают ее родители? У нее, похоже, истерика – если не что-нибудь похуже...»

Юлю под одеялом стала бить дрожь.

– Сейчас я принесу тебе чаю, – ровным голосом сказал Полуянов. Достал из шкафа еще одно одеяло, навалил на девушку сверху. Досадливо затушил восточные благовония. Отправился на кухню, поставил на плиту чайник. На сковородке засохли жареные пельмени из пакетика. Очевидно, то

было праздничное блюдо, которым юная хозяйка собиралась его удивить.

Чайник вскипел, Дима налил в кружку некрепкой заварки, положил в напиток четыре столовые ложки меда. Вернулся в спальню. Юля лежала без движения, с закрытыми глазами. Однако по тому, как напряженно вытянулось ее тело, Полуянов понял, что она не спит.

– Ну, давай выпей чайку, – миролюбиво сказал он.

– Уходи, – протянула она глухо, не открывая глаз. – Немедленно уходи.

Дима поставил чай на прикроватную тумбочку.

– Он горячий и очень сладкий. Как раз такой тебе сейчас нужен.

– Убирайся, – проговорила Юля, не пошевелившись. – Я не желаю тебя больше видеть. Никогда.

– У тебя все будет хорошо, – сказал Дима. Его затопила жалость к ней. И досада на самого себя: как он мог с такой связаться!

– Уходи, – еще раз повторила она. – И забудь мой адрес, и телефон, и дорогу ко мне. Я тебя ненавижу!

– Хорошо.

Полуянов вышел из комнаты, обулся в прихожей. Посмотрел на себя в зеркало. Глаза ошалевшие, на рукаве рубашки кровь. Непроизвольно подумалось: «Связался черт с младенцем. Вот только если, по большому счету, разбираться, то непонятно: кто из нас двоих – черт, а кто – младенец?»

Он захлопнул дверь в квартиру, сбежал по ступенькам. В те годы Полуянов зачитывался Фрейдом, Юнгом, Леонгардом. Поэтому он без труда поставил Юле «диагноз»: «Демонстративно-застревающий тип личности. Когда нет зрителей, она, сто процентов, не станет повторять попытки суицида...»

После всех психологических испытаний ему потребовалось немедленно выпить. Выскочив из подъезда, Дима направился в сторону ДАСа, где ему наверняка удастся найти собутыльников – среди тех иногородних сокурсников, кто, как и он, отрубил сегодня военные сборы...

...Однако точку в той истории, как оказалось, ставить было рано. Через три дня на домашний адрес Полуяновых пришло письмо – в конверте, подписанном знакомым почерком, красными чернилами. Дима, не читая, порвал его и выбросил обрывки в мусоропровод. Спустя два дня пришло еще одно послание. Той же рукой, опять же в багровых тонах, был выведен адрес. Змей-искуситель подтолкнул Полуянова под локоть: открой! Дима распечатал конверт, пробежал послание глазами:

«Я встретила Его вчера в баре «Гиннесс». Он высокий, красивый, мускулистый. У Него очень красивые руки и плечи (не то что у тебя, Дима!) и чувственные губы. Его глаза манили меня, возбуждали, призывали. Между нами без единого слова установилась незримая связь, едва только я вошла в бар. Не успела я выпить свой кофе по-ирландски, как Он склонился над моим столиком...»

«Какая мерзость!» – подумал Дмитрий. Его взгляд против воли выхватил еще несколько строк из середины письма: «... Его губы оказались теплыми и мягкими. Раньше я никогда не знала столь восхитительных, столь нежных губ! Он медленно целовал меня, и я одновременно возбуждалась и расслаблялась...» А потом еще ниже: «...Это был взрыв сверхновой, звездопад, огненный дождь. Кажется, я кричала, не помню что, и извивалась под Его губами... Ни с одним мужчиной в мире я не испытывала никогда такого наслаждения, как с Ним!..»

Читать дальше Диме не хотелось. «Неважно, правда ли это. Скорее всего, вымысел. Случай так называемого вранья. Она пытается задеть меня, уязвить, вывести из себя. Не бывать этому!»

Распечатанное письмо постигла та же участь, что и первое, – порванное на клочки, оно улетело в дыру мусоропровода.

Мама, Евгения Станиславовна, не подзывала Диму ни на чьи телефонные звонки. Мобильника тогда у него еще не было.

Вскоре он должен был уезжать в университетский турлагерь «Буревестник» под Туапсе.

В день отъезда в их квартире в десятом часу утра раздался звонок. Он разбудил Полуянова. Мама, слава богу, работала в первую смену. Встрепанный небритый, Дима, едва успев накинуть халат, отворил дверь.

В полусумраке лестничной площадки он различил сухопарую женскую фигуру. На пороге стояла дама лет сорока с пышной прической.

– Вы – Дмитрий Полуянов, – утвердительно произнесла она с брезгливостью в голосе.

– Я самый, – пробормотал студент.

– Вы позволите мне войти, – столь же безапелляционно проговорила дама, делая шаг в прихожую. Не проснувшемуся окончательно Полуянову оставалось лишь посторониться.

– Я – мама Юлии, – представилась дама, и голос ее прозвучал величественно, словно говорила королева в изгнании.

Дама оказалась модно одета, правда, всего в ней было чересчур: слишком эффектный красный костюм, под ним – не сочетающаяся по цвету малиновая водолазка, излишне высокие каблуки, а также чрезмерно короткая (для ее возраста) юбка, открывающая неожиданно полноватые ножки. На пальцах женщины блистало несколько бриллиантовых колец, рубиновое кольцо полыхало поверх водолазки, а из ушей свисали безмерно тяжелые золотые серьги. С ее воцарением в тесной прихожей Полуяновых словно запылал пожар.

– Чем обязан? – пробормотал Дима, не ожидая от явления Юлиной маман ровным счетом ничего хорошего.

– Он еще спрашивает! – аффективно, хорошо поставленным голосом проговорила дама. – Он соблазняет мою дочь, морочит ей голову, обещает на ней жениться, и он! – меня! – еще спрашивает!..

– Я не несу никакой ответственности, – пожал плечами Полуянов, – за все то, что нафантазировала себе ваша дочь.

– Нафантазировала?! Да ты самый настоящий негодяй! Как жаль, что я не мужчина!.. Я бы вызвала тебя на дуэль!.. На пистолетах!.. Или хотя бы на драку на кулаках! Я бы научила тебя, как положено обращаться с девушками!..

«Еще одна истеричка», – подумал Полуянов и устало спросил:

– Чего вы от меня хотите?

– Ничего! Ровным счетом ничего мне от тебя не нужно! Разве что – взглянуть в твои молодые, но уже такие бесстыжие глаза!

– Взглянули? – кротко поинтересовался студент, потихоньку напирая на дамочку – так, чтобы при первой возможности выдворить ее из квартиры.

– Негодяй! – воскликнула маман. – Ты должен вернуть мне письма, написанные моей дочерью! Я не позволю, чтобы их перелистывала чужая и равнодушная рука!

– Пожалуйста, никаких проблем, – пожал плечами Полуянов. – Я их верну. Только без двух последних, где ваша дочь расписывала мне прелести секса с другими мужчинами. Их я порвал.

– Каков мерзавец! – словно апеллируя к полному залу зрителей, промолвила дама. – Он оскорбил мою дочь, а теперь пытается унижить и меня!

«Спокойствие, только спокойствие», – сказал самому себе

Дима, покинул прихожую, а через минуту вернулся со стопкой писем от Юлии.

Видимо, того времени, что он отсутствовал в коридоре, даме хватило.

Спустя полгода, намывая пол в прихожей, Димина мама обнаружила под обувной тумбой иголку с почерневшим, прокаленным над огнем острием. Кроме как из рук оскорбленной матроны, заговоренному амулету в полуяновской квартире взяться было неоткуда. «Какая низость и какая дикость!» – печально прокомментировала тогда сей факт Димина мама, от которой он не стал таить историю с визитом «неудавшейся тещи» (по возможности окрашивая его в юмористические тона).

А тогда, летом, Полуянов сунул в руки матроны стопку писем:

– Получите, и до свидания.

– Н-да, а он быстр, – оскорбленным тоном произнесла маман. – Он очень скор на расправу!

Она повернулась к Диме спиной – студент открыл даме дверь.

– Прощайте! – величественно бросила дама, переходя на «вы». – Надеюсь, что никогда больше не увижу вас.

– А я – вас, – чистосердечно сказал Полуянов.

– А вы к тому же еще и хам, – изрекла напоследок дама – впрочем, студент последнюю реплику почти не расслышал, захлопнув за незваной гостьей дверь.

...Вся эта история оставила неприятный осадок. И хотя Полуянов, видит бог, не считал, что поступил тогда слишком уж дурно, – почему-то вспоминал ее с чувством вины. Но за двенадцать лет неприятное приключение почти забылось, стерлось из памяти, и вот только теперь, при получении двух страшных писем с отрубленным мизинцем и с изуродованным Надиным фото, оно вновь всплыло во всех подробностях из глубин памяти.

Почему первыми вдруг пришли в голову те две тетки – юная Юля и пожилая франтиха, ее мать?.. Потому что один из проделанных трюков – выжигание глаз на фото Нади – был вполне в духе матери, подсунувшей соблазнителю дочери закопченную иголку? Или оттого, что настолько личные (до неприличия!) письма он в последний раз получал именно от Юлии?

«Но давай разберемся в ситуации спокойно и непредвзято, – сказал сам себе Полуянов. – Выжигание глаз на фото счастливой соперницы было бы, пожалуй, для парочки истеричек актуально, когда бы со времени нашего разрыва с Юлией прошло две недели или месяц... Хотя бы – два... Но – двенадцать лет?! Да Юля с тех пор встретила с десятком (а может, судя по ее темпераменту, и сотней) мужчин, девятью девятью раз испытала разочарование, а на сотый – нашла подходящую себе душу. И, наверно, из несчастного жили тянет и вьет веревки. А тот, страдалец, подтыкает ей одеяло и чай приносит в постель... С какой вдруг стати ей вспо-

минать через двенадцать лет меня?!.. Узнавать о существовании Нади, следить за ней, фотографировать ее?.. А палец?.. Неужели кто-то из *этих двоих*, мать или дочка, сам себе отрубил мизинец?.. Это вообще в голове не укладывается... К тому же в обоих жутких письмах чувствуется рука настоящего, *конкретного* психа. А если взять холодную статистику, то она говорит нам, что женщины сходят с ума примерно в три раза реже, чем мужчины».

Дима не помнил, откуда он почерпнул последний факт – где-то слышал или читал. Он, как и большинство журналистов, знал «немногое о многом». И не знал «многое о немногом». Или, как говорилось в редакции о том же самом, но в ироническом ключе, «знал все, но неточно».

Конечно, Юлия и ее мамашка – парочка еще та. (Как, кстати, звали маманю? Полуянов даже если и знал, то прочно забыл.) Но подозревать их... Спустия столько лет...

А с другой стороны, не зря же немедленно по получении письма с Надиной фотографией в его голове всплыла та самая история? Дима привык доверять своей интуиции и понимал, что, коль скоро ему вспомнились именно те две истерички, значит, их надо, по меньшей мере, проверить.

Что ж, посему хватит рефлексий. Пора действовать.

Дима за всю жизнь не выкинул ни единого своего блокнота. Значит, и тот, где записан телефон Юлии, живущей у Триумфальной арки, валяется где-то дома. В глубине стола, в секретере, на антресолях – где-нибудь.

Дима начал поиски, и, несмотря на полный бардак в собственных архивах, спустя всего полчаса они увенчались успехом. Вот она, адресная книжка, которую он вел в институте. Устроившись на полную ставку в «Молодежные вести», он приобрел себе новую. Лишь немногие счастливицы или счастливицы из прежней записнухи удостоились чести быть занесенными в следующий кондуит.

Итак, открываем страничку на букву Ю. И вот, пожалуйста, меж номерами журналов «Юность» и «Юный натуралист» (ныне практически умерших), как курица лапой, записано: «Юлия». И – телефон тот самый, домашний: 243-...

Та-ак... Ну, номер, наверное, сменился, а вот место жительства, возможно, что и нет. Шестикомнатную квартиру на Кутузовском проспекте без чрезвычайной нужды не разменивают.

Недолго думая, журналист взял телефон и набрал номер. Сначала долго никто не отвечал, а потом вдруг раздался голос, удивительно похожий властными интонациями на голос Юлиной маман, каким Дима его помнил. Как там, бишь, ее звали?

– Здравствуйте, могу я поговорить с Юлией?

Голос на другом конце линии мгновенно стал настороженным. Даже нет, не настороженным, а, скорее, подозрительным:

– А кто ее спрашивает?

– Знакомый.

– Какой знакомый?!

– Старый знакомый, еще по институту.

– Как вас зовут, молодой человек?

Голос его собеседницы теперь звучал не просто подозрительно – в нем, можно сказать, появились панические нотки.

– Меня зовут Миша, – легко соврал Полуянов.

– Миша?! Это который Миша?

– Может быть, хватит меня допрашивать?! – вдруг неожиданно для самого себя рывкнул Дима. – Может, вам уже пора *просто позвать Юлю*?!

Мужской рык странным образом воздействовал на собеседницу. Ее тон неожиданно сменился с наступательно-параноидального на горький:

– Значит, вы ничего не знаете...

– Ничего, – подтвердил Дима. – А что случилось?

– Юли сейчас нет, – голос прозвучал трагически, разве что наречие «сейчас» вселяло толику оптимизма.

– А когда она будет?

– Понятия не имею.

– А где она? Как я могу с ней связаться?

– Можете считать, – раздался тяжелый вздох по ту сторону телефонной линии, – что Юля умерла.

И трубку немедленно повесили.

Глава 3

Маменька позвонила, как всегда, не вовремя.

У Юли как раз начинался в чате роман с американцем Крисом. Конечно, было крайне мало шансов, что Крис, как Ванечка, когда-нибудь приедет к ней и осуществит все ее фантазии в реале. Однако виртуальная любовь – тоже любовь. И даже секс в сети порой бывает ярче, чем в жизни.

Слава богу, Юлиного английского лексикона и литературного дара сполна хватало, чтобы разговаривать о любви с кем угодно из жителей нашей планеты. Обо *всех* сторонах любви, в том числе самых интимных.

Услышав телефонный звонок, она быстро набрала на клавиатуре по-английски: «Извини, мне надо отойти на пару минут» – и взяла трубку.

– Он звонил мне, – не поздоровавшись, с места в карьер, начала маменька высокопарным тоном. Местоимение «он» в ее исполнении прозвучало весьма значительно.

– Кто – «он»? – не поняла Юля.

– Твой Полуянов! Он спрашивал – тебя, представился как-им-то дурацким Мишей, но я все равно сразу же его раскусила!..

– Ну и что, мама? – стараясь быть спокойной, проговорила Юля, однако сердце екнуло, кончики пальцев задрожали.

– Как это «что»?! – немедленно возвысила тон маменька

ка. – Как это «что»?! Ведь с него, Полуянова, все началось! И твоя болезнь! И смерть отца! После встречи с ним все в нашей семье пошло наперекосяк!.. Я не понимаю, как ты, Юлия, можешь говорить о Полуянове так спокойно! И даже не пытаться!.. Даже пальцем не пошевелить, чтобы воздать ему за все его грехи!.. С твоими-то талантами!.. Твой Полуянов заслужил самой суровой кары!..

– Ему бог воздаст, мамочка.

– Бог?! Знаешь такую хорошую русскую поговорку: на бога надейся, а сам не плошай.

– Мамочка, ну что я могу сделать... – простонала Юля.

– Не «ты», а «мы»!.. Мы с тобой! Мы вдвоем очень даже многое можем сделать! И должны!..

– Ох, мамочка...

Если Юле болезнь ударила в ноги, то мамуле – явно в голову. Она всерьез вообразила себя – не больше не меньше – экстрасенсом, черным магом, ведьмой.

И Юлина болезнь произошла не просто так. Это божья мета. Знак того, что она избрана богом. И потому – должна помогать матери.

– И я уже начала, – продолжила та, – да, начала *работать* против *него*.

– Ох, мамуля, избавь меня, пожалуйста, от подробностей.

– Вот ты всегда такая! Чистоплюйка!..

С мамой становилось все тяжелее и тяжелее. И хотя они жили теперь в том же доме, что и раньше, только в двух

отдельных квартирах (трех- и двухкомнатной), Юле приходилось тщательно дозировать свое общение с матерью. И запрещать ей являться без предварительного звонка, и не брать телефонную трубку. Она уже пожалела, что откликнулась на звонок сейчас. Ее ждал, манил, звал к себе экран компьютера. Там Крис уже два раза напечатал: «Где ты, Джулия?.. Ну, где же ты?!..»

После того как она побыла в Сети и мулаткой из Таиланда, и кисейной барышней пятнадцати лет из русского города Верхнетурьинска, она однажды нечаянно и с удивлением заметила: мужики гораздо активней клюют на правду. Надо только не вываливать ее на них немедленно. После того как первое знакомство завяжется, вполне можно упомянуть, что она – девушка-инвалид из российской столицы. Когда Юля начала говорить правду, она стала получать гораздо больше предложений выйти замуж, встретиться, познакомиться и завязать серьезные отношения – а уж о виртуальном сексе и говорить нечего: каждый второй собеседник почти немедленно предлагал ей удалиться в «приватную комнату».

Жизнь, считала Юлия, – это приключения души, а не тела. И благодаря Интернету ее жизнь продолжала оставаться бурной и полной событий. В ней хватало места ярким чувствам: любви, ревности, нежности, соперничеству, мести.

Полуянов еще раз набрал проклятый номер – старый, давно забытый Юлькин телефон. Теперь он был вглухую занят.

Дима залез в холодильник. В наличии имелся лишь засохший плавленый сырок, три сырых яйца и полшоколадки.

Журналист выпил еще чашечку несладкого кофе с шоколадом. От ударной дозы глюкозы и кофеина настроение повысилось, но что делать дальше, по-прежнему было непонятно.

Он снова набрал старый телефон Юли. Короткие гудки сменились безответными длинными. Что это значит? Вздорная мамаша поговорила с кем-то и тут же убежала? Насчитав двадцать пять долгих сигналов, Дима повесил трубку.

«Может, сумасшедшая мамахен берет трубку, только если звонят *свои*? После какого-нибудь обусловленного, зашифрованного сигнала?» – подумалось Диме.

Он набрал номер, выждал три гудка – положил трубку. Затем позвонил снова – никакого отзыва.

В следующий раз Полуянов оборвал соединение после четвертого «бипа». Опять набрал номер – ничего.

Уже потеряв надежду поговорить с Юлиной мамашей (как, бишь, ее звали?), он выслушал пять гудков, отбился, снова позвонил... Бесполезно...

И как прикажете понимать последнюю фразу полубезум-

ной мамашки: «*Можете считать*, что Юля умерла...» Не: «Юля умерла...» И не: «*Для вас Юля умерла...*» А: «*Можете считать*».

Что это значит? Юля уехала за границу? Сидит в тюрьме? В безнадежном состоянии находится в больнице?

Гадать можно бесконечно. Информации явно недостаточно для того, чтобы сделать тот или иной вывод.

Что теперь ему делать? Ехать туда, на Кутузовский? Разбираться лично с придурочной несостоявшейся тещей?

Или снова попросить помощи у майора Савельева?

Предъявить ему второй конверт, попросить, чтобы эксперты выдали заключение: один и тот же гражданин посылал оба пакета или нет? Узнать у опера то, о чем он, Дима, не удосужился спросить вчера: случались в последнее время в Москве исчезновения женщин? Проходили по сводкам женские трупы с отрубленным мизинцем?

Надо что-то делать, и поскорей. Уже первый час, а он сегодня еще обещал встретить Надю после работы. И уж подстраховать, защитить свою девушку он должен обязательно, кровь из носу.

* * *

И опять Кристинка первой кинулась к телефону, и опять у нее случился облом. Прошипела:

– Надька, тебя!

И пока Надежда шла к трубке по проходу меж полок со словарями и энциклопедиями, сослуживица ехидно пропела:

– А ты у нас, Митрофанова, зве-езда-а! Все тебе мужики звонят. И все ра-азные!..

– Слушаю, – сухо произнесла Надя в телефон. По реакции Кристи можно догадаться, что звонит не Дима, а раз это не он, ей ровным счетом нет никаких резонов быть любезной.

В трубке раздался приятный мужской баритон:

– Смотрите, милая моя проснулась! В.Шекспир, «Отелло», акт 2, сцена 3. (Перевод А. Радловой.)

– Кто это? – нахмурилась Надя.

– Ваш вчерашний знакомый, Георгий.

– Как вы узнали мой телефон?

Заминка на том конце линии. Надежда переспросила – резко, наступательно:

– Вы – что? Следили за мной?!

Кристина, ушки на макушке, делала вид, что раскладывает читательские требования, при этом внимательнейшим образом подслушивала их диалог – точнее, реплики Митрофановой. Надя досадливо повернулась к сослуживице спиной и постаралась говорить тише.

– Что вы! Я ни в коем случае не следил за вами! – воскликнул в трубке приставала. – Консьержка сама мне о вас все рассказала.

– Зачем вы звоните? Что вам от меня надо?

– Хочу предупредить вас.

– О чем?!

– О грозящей вам опасности.

– Опасности?! Мне?

– Да, именно так, дорогая Надежда. И еще – человеку, которого вы называете своим мужем и который на самом деле является всего лишь вашим сожителем. Я имею в виду Дмитрия Полуянова.

– Что вы несете?!

– Это достоверный факт, – внушительно проговорил бархатный баритон.

Что происходит?! И Дима только что звонил, взволнованный... Говорил, что ему и ей что-то угрожает...

– Хотите, – продолжал невидимый собеседник, – я расскажу вам все подробности: кто, что, почему?

– Ну, валяйте.

– Только не по телефону. Давайте встретимся.

«Никаких встреч!» – хотела было отрезать Надя – тем паче что Дима предупреждал, что ей не следует никуда выходить из библиотеки и ни с кем видеться. Наверное, у самого близкого ей человека есть основания для опасений... Но потом Надя подумала: а что, если незнакомец и вправду сообщит ей что-то важное?

– Ну же, Надя, – поторопил голос в трубке. – Я не сделаю вам ничего плохого.

– Хорошо, – выдохнула она. – Приезжайте.

– Куда?

– Ко мне на работу. Я думаю, вы прошпионили, где находится моя библиотека.

Телефонный собеседник только хохотнул.

– Но не раньше конца рабочего дня – четырех, – предупредила Надя.

«Дима обещал меня встретить после работы. Что ж, я сведу мужиков вместе. Натравлю своего Полуянова на этого Георгия. Пусть Дима сам с ним разбирается».

– О, спасибо вам, Надя! Я непременно приеду к четверем.

– Ждите меня у входа в библиотеку, на улице. Вы на какой машине будете?

Странно, но простой Надин вопрос привел собеседника в замешательство.

– Ни на какой, – наконец выдал он. – Я приду пешком.

– Отлично, – сказала девушка и повесила трубку.

Теперь она немедленно свяжется по мобильному с Димой и расскажет ему о странных домогательствах.

Надо только в курилку или в туалет уйти – а то Кристия от любопытства скоро из штанов выпрыгнет.

* * *

– А теперь – смотри в камеру. Представь, что там будто бы находится твой папочка. И обращай к нему. Скажешь все, как мы договорились. Ну, начали?

Она кивнула.

– Поехали!

Пауза. Девушка растерянно смотрела на видеокамеру, лежащую на столе. Разбитые губки дрожали.

– Ну?! Что ты молчишь?!

От резкого голоса она дернулась, как от удара. Чтобы не расплакаться, глубоко вдохнула воздух.

– Давай по новой. Не волнуйся. Все будет хорошо.

Пришлось подойти к камере, перемотать пленку, снова нажать «play».

– Поехали! Дубль два!

– Дорогой папуля, – прошептала девушка, глядя в сторону объектива. – Пожалуйста, не волнуйся за меня. Я вернусь к тебе. Только не надо меня искать или обращаться в милицию. Пожалуйста, никому не рассказывай, что я... Что меня – похитили... Просто собери десять тысяч долларов. Для тебя это небольшие деньги, я знаю. Как их передать, тебе расскажут потом. И я очень прошу: не обращай в милицию или к частным детективам... Если ты это сделаешь, меня убьют. Пожалуйста, собери деньги – и не делай больше ничего...

– Стоп! Все! Закончили! Ты молодец!..

* * *

Дима позвонил майору Савельеву – из своей квартиры,

но по сотовому: специально, чтобы милиционера в расход не вводить. Тот был с ним не слишком любезен.

– Ну, что еще там у тебя случилось, кр-рыс-пондент?

Полуянову захотелось ответить в оперском стиле – грубовато, однако он смирил себя и, стараясь быть кратким и кратким, рассказал о новом письме, о фотографии Нади с выжженными глазами.

– Да? – без всякого энтузиазма откликнулся майор. – Ну, подвози эту свою улику. Покумекаем, что можно сделать. Только не сейчас, у меня дел до черта. Лучше завтра, с утра.

– В одиннадцать в управлении? – предложил Полуянов.

– Лучше в десять. И с предварительным созвоном, чтобы я на месте был.

– А ты, кстати, не проверял: случались в последнее время в Москве похищения женщин?

– В органы с заявами по данному поводу никто не обращался.

– А трупы неопознанные, невостребованные?

– Дотошный ты, Полуянов!.. И прилипчивый!.. Ответ – отрицательный. Во всяком случае, ни одной такой, чтобы при жизни маникюр себе делала.

– Значит, только одни бомжихи?

– Надо же, догадался!.. Ладно, бывай, кррыспондент. До завтрава.

Во время разговора с опером мобильный телефон Полуянова несколько раз пропищал. Это означало, что кто-то

другой пытается ему прозвониться. А едва он нажал «отбой», трубка разлилась музыкальной темой из «Крестного отца». По мелодии он понял: названивает ему кто-то из весьма немногочисленного списка «родные и близкие».

* * *

Чтобы поговорить с Димой начистоту, Надежде пришлось организовать целую экспедицию: проникнуть сквозь дверь с кодовым замком на черную лестницу, а там еще на три пролета вниз спуститься, чтобы всякие куряки не подслушали.

Усевшись на продранный стул, весь в пятнах от сигаретных ожогов, Надя рассказала гражданскому мужу все с самого начала: и про вчерашнего пристава, и про его сегодняшний звонок.

– А вы популярны, милочка, – басом прокомментировал Надины откровения Полуянов. Однако в его голосе она различила нотку досады. Видимо, для Димы стало неприятным откровением, что на нее вдруг стали обращать внимание посторонние мужчины. До сих пор успех у лиц противоположного пола являлся исключительно Диминой привилегией.

– А почему *ты* в прошлый раз мне звонил? О какой такой опасности предупреждал? – спросила Надежда.

– Давай поговорим об этом позже, при встрече, – опять ушел от ответа Полуянов. – Я твой план принимаю на сто процентов. Буду у библиотеки в четыре и встречу твоего чу-

дака. И выясню у старого козла, что ему от тебя нужно.

На взгляд Нади, вчерашний мужик не был таким уж старым (а козлом – тем более), однако она не стала спорить. Поняла: ведь Димочка просто ревнует. Ее – ревнует! Чуть не впервые в жизни! Это было так неожиданно и приятно, что Надю просто затопила волна гордости – а еще умиленного снисхождения к Полуянчику: тоже мне, нашел к кому ревновать! Да неужели он не понимает, что для нее сейчас никакие другие мужчины, кроме него, Димы, не существуют?! Ну, и хорошо, наверное, что не понимает... А то совсем нос задерет... Вот и сейчас, в свойственном ему безапелляционном стиле, он стал отдавать указания, что ей надлежит делать.

– В четыре часа будешь стоять в коридоре на своем этаже. Смотри вниз. Как только увидишь седого гиббона на крыльце библиотеки, звякнешь мне по мобиле. Я буду в вашей переулке в своей «Королле» его ждать. Когда он появится, выйду и с ним поговорю.

– Только, пожалуйста, без разборок.

– Никакого махания руками не будет – как бы кому этого ни хотелось. Один лишь интеллигентнейший базар. Не бойтесь, женщина, я не запятнаю ваше доброе имя в глазах сотрудников Историко-архивной библиотеки – славного очага отечественной культуры.

– Ох, Дима, – вздохнула Надя, – все бы тебе шуточки...

После всех телефонных звонков, успешных и не слишком, у Полуянова только и осталось времени, чтобы заехать куда-нибудь впихнуть в себя пару чизбургеров – и мчаться в сторону Надькиной библиотеки.

Пока «Королла» стояла рядом с домом, все ее стекла покрылась изморозью. Пришлось очищать скребком. Движок завелся сразу, но совершенно без охоты. Будто жаловался на свою нелегкую судьбину: «Бу-бу-бу...»

Полуянов не спеша поехал. Шины на морозе стали будто пластиковые, аж звенели на ледяном асфальте. Сцепления с дорогой совсем не чувствовалось, поэтому пришлось рулить с осторожностью. Зато машин в городе было мало – попрятались все от мороза. А те, что сидели-таки за рулем, видать, чувствовали себя полярными первопроходцами, кем-то вроде Амундсена или Пири. Среди шоферов даже возникло какое-то своего рода полярное братство. На светофорах народ порой улыбался друг другу – ну а редким женщинам, из тех, что оказывались за рулем, – и сам бог велел. Улыбка на светофоре... Потом машины трогаются на зеленый, и все вокруг, в том числе и прекрасная незнакомка, исчезают в клубах пара, вырывающегося из выхлопных труб, – будто не на двигателях внутреннего сгорания народ ездит, а на паровозах...

В итоге, с толком закусив в канадской котлетной, Полуянов появился в переулке, где располагалась Надина библиотека, на двадцать минут раньше срока: в пятнадцать сорок. Отзвонился ей, сказал, что он на боевом посту. Стал вглядываться в граждан, выходящих и входящих в библиотеку.

Народу у очага знаний толклось мало. Сессия недавно закончилась, новый семестр только начинался – посему студенты, за вычетом совсем уж завзятых «ботаников», посещением Историко-архивной библиотеки себя не утруждали. Да и у редкого научного работника хватало смелости выползть в такой мороз из своего дома или с кафедры, чтобы посетить храм культуры. Лишь единицы, в шапках с опущенными ушами, замотанные по самые глаза шарфами, появлялись на крыльце. Одни – с тем, чтобы скорой пробежкой потрусить к метро. Другие, напротив, быстро-быстро ныряли в спасительное тепло библиотеки.

Скуки ради Дима позвонил в редакцию. Сперва чтобы узнать официальные новости, – ответственному секретарю.

Тот сказал, что полуяновский материал из Питера стоит в завтрашнем номере и его надо сократить на тридцать строк.

– Ты приедешь, Полуяныч?

– Ради того, чтобы тридцать строк вычеркнуть? Нет уж, доверяю тебе. Ты у нас – ас сокращения и правки.

– Эта услуга тебе дорого обойдется.

– Ваша цена, граф?

– Три бутылки родного «Гиннеса».

– Две.

– Принято.

Затем, чтобы выяснить новости неофициальные, журналист звякнул секретарше главного Марине Максимовне. По ее словам, в редакции царила тишина, и «главнюга» Димой не интересовался. Да и вообще: как обычно, отсутствия Полуянова на рабочем месте никто не заметил. Он уже приучил коллег и начальство, что штаны в редакции не просиживает, а где-то бродит, носится, вынюхивает – а потом, бац, приносит «гвоздь» на полосу или даже на цельный разворот.

Между тем ярко-малиновое солнце, устав светить сквозь морозную дымку, свалилось за стены библиотеки. Минуты четыре. Затем четыре десять, четыре двадцать. На библиотечном крыльце и около него не появлялось ни единого подозрительного гражданина. Никого, кто бы там остановился и дожидался. В одном из окон четвертого этажа время от времени появлялось белое пятно: лицо Нади. Она выглядела вала вниз – ничего. Она, конечно, должна была видеть полуяновскую машину в конце переулка.

В четыре двадцать пять Дима позвонил ей на мобильный.

– Полчаса опоздания – недопустимо ни для кавалера, ни тем более для маньяка, – заявил он Наде веселым тоном.

– Что прикажешь делать?

– Поедем по своим делам. Выходи на крыльцо, я тебя встречу.

Надежда спустилась через пять минут. Полуянов, дожи-

давшийся у входа, небрежно чмокнул ее в щеку.

– Испугался твой поклонник серьезного мужского разговора, – констатировал он.

– Да? – возразила Митрофанова. – А откуда он мог знать, что разговор ему предстоит *серьезный* *имужской*? Он что, наш с тобой телефонный разговор прослушивал?

– Наверно, ты его предупредила, – по-прежнему шутейно высказался Дима.

– Ха-ха-ха. Как смешно, – прокомментировала Надя.

И в этот миг рядом с влюбленными материализовался шкет, от горшка два вершка – в сдвинутой набекрень ушанке, румяный, что твое зимнее солнце.

– Вам просили передать, – звонким голосом отрапортовал ребенок и протянул Надежде большой конверт.

Она автоматически взяла пакет, а Дима уцепил юного гражданина за плечо.

– Кто просил передать? – спросил он строго.

– Дяденька.

– Какой еще дяденька?!

– Ну, такой, взрослый. В шапке.

– *Кому* он просил это передать? – продолжал допрос Полюянов, чуть сжимая детское плечо.

– Я не знаю.

– Как «не знаю», когда ты нам пакет принес?!

– Ну, дядька меня спросил, – занял ребенок, – знаю ли я Историко-архивную библиотеку? Я сказал «да», а он сказал,

что здесь на ступеньках будет девушка стоять. Такая, в дубленке и белой шапке, полненькая...

– Я те дам, «полненькая», – тряхнула шкета за второе плечо Надя.

– Ну, не на-адо, – противным голосом проскрипел юнец.

– Спокойно, дядя, – остановил нытье пацана Дима. – А вы, миледи, – повернулся он к подруге, – держите себя в руках. – И обратился к ребенку: – Ты знаешь, что находится в конверте?

– Не-ет... Чесно слово, не-ет...

– Тебе дядя этот заплатил?

– Да, он тридцать рублей мне дал. И сказал, что мне еще девушка добавит, от щедрот. Так и сказал: «от щедрот».

– А дядя этот на машине был или пешком?

– Пешком.

– Ты уверен?

– Ага, он потом к метро пошел.

– Так, может, у него там, у метро, тачка стояла?

Юный курьер секунду подумал, а потом ответил:

– Не, он на машине вряд ли ездит. Сильно у него лицо от мороза красное. И руки.

Надя с Димой переглянулись.

– Да ты прямо юный следопыт! – похвалил журналист. – Руки красные заметил! Наверно, оперуполномоченным будешь, когда вырастешь. – И скомандовал Наде: – Ну-ка, полненькая девушка, выдайте будущему майору МВД тридцать

рублей от ваших щедрот.

– Червонца ему хватит за глаза и за уши, – проворчала Надя, протягивая юнцу мятую купюру.

– Ну, лети, юный Меркурий, – скомандовал журналист и отпустил плечо мальчика. – Ты сегодня неплохо заработал, на два пива хватит.

– Какое пиво? – возмутилась Надя. – Ребенку еще и десяти лет нету.

– Ну, значит, на клей «Момент», – легкомысленно бросил Дима, за что получил от подруги жизни легкий подзатыльник.

Впрочем, шкет не слышал последней антипедагогической реплики Полуянова: он со всех ног дунул по направлению к метро.

На сей раз на конверте не имелось ни фамилии получателя, ни адреса. Белый стандартный пакет без всяких отметок.

Полуянов прямо на морозе, на крыльце вскрыл конверт. Присвистнул: в нем лежала плоская коробочка с надписью «CD-R».

Дима осмотрел коробочку со всех сторон, затем заглянул внутрь: там, как положено, имелся лазерный диск. И больше – ничего. Ни одной пометки ни на коробочке, ни на диске.

– Что ж, Надежда, – заявил репортер, – думаю, нам придется вернуться в твои пенаты. На рабочее место, я имею в виду.

– Зачем?

– Я надеюсь, ваша библиотека хоть отчасти компьютеризована? И в ней есть компы с си-ди-приводом?

* * *

У Полуянова нашелся билет Историко-архивной библиотеки – хранился еще с тех времен, когда он работал над делом об украденных отсюда рукописях.⁶ Впрочем, у журналиста имелись с собой на всякий случай пропуска в самые разнообразные учреждения и организации Москвы. А туда, куда ксивы не было, он, как правило, проникал и без оной.

Впервые после того как Надя стала встречаться с Димой по-настоящему, она привела его на свою работу – и от этого чувствовала одновременно неловкость, гордость и даже легкое головокружение. Лицо ее покраснелось. Она шла по коридорам и лестницам впереди него, широкими шагами, Дима поспешал за ней.

Надежда подмечала: какими долгими, волоокими, даже щенячьими взглядами провожают Полуянова женщины. И ее коллеги – сотрудницы, и гримзы – научные работники, и даже посетительницы – студентки. А на Надю, сопровождавшую красавца, они бросали ревнивые, завистливые косяки.

Ох, Дима, Дима!.. Может, недаром покойная мама предостерегала Надежду: красивый муж – чужой муж? Может, и

⁶ Подробнее об этом можно прочитать в романе Анны и Сергея Литвиновых «Рецепт идеальной мечты», издательство «Эксмо».

не подходит ей Полуянов? А нужен кто попроще? И ценить ее больше будет, и ей с ним будет спокойнее?..

На входе в единственный в библиотеке компьютеризированный зал они, как нарочно, нос к носу столкнулись с Надиной начальницей, и та – пятидесятилетняя сухая ведьма, а туда же! – окинула Диму *многозначительным и многообещающим* взглядом. Наде пришлось их познакомить:

– Дмитрий Полуянов, журналист. Мой, мм-м, друг... Вера Степановна, моя начальница...

– Очень приятно, – разулыбалась начальница молодому красавчику, а девушке не преминула сделать замечание – власть свою над ней ее кавалеру продемонстрировала: – Надя, не дело, что вы расхаживаете по залам в верхней одежде. Посетители должны раздеваться внизу, а вы – в гардеробе для сотрудников или, в крайнем случае, на своем рабочем месте.

Надю аж в жар бросило оттого, что ее взялись отчитывать при Диме.

– Хорошо, мы сейчас у меня разденемся.

Дима, когда они миновали Веру Степановну, Надю подержал – прошелестел вполголоса:

– Ну и карга!.. И как ты с ней работаешь?!

– Начальников не выбирают, – вполголоса философски заметила Митрофанова.

К счастью, из родного зала отечественной истории уже свалила свиристелка Кристина с ее потугами обольститель-

ницы. На пост заступили положительные пожилые дамы из вечерней смены: сухая Наталья Тимофеевна и полная Валентина Егоровна. Они на Полуянова пусть и посматривали с нескрываемым любопытством – однако в их взглядах хотя бы не присутствовало выражение, присущее дамочкам помоложе: а вот я сейчас тебя съем! К тому же бабульки оказались по-настоящему радушны, встретили молодых людей как родных, все порывались напоить их чаем с абрикосовым вареньем, однако Надя с Димой отказались решительно. Скинули свои дубленки – и были таковы.

Когда они наконец засели в компьютерном зале за персоналку, журналист шумно выдохнул:

– Ну, Надежда, если б я знал, что твои дамы-коллеги будут рентгенами меня просвечивать, – лучше бы мы в интернет-кафе пошли.

Надя уж не стала, естественно, говорить Диме, что сотрудницы по отношению к нему, наглому красавчику, просто проявили большее любопытство, чем к рядовым ухажерам.

Журналист, не теряя времени даром, включил компьютер, пробормотав сквозь зубы:

– Ну и рухлядь!

Вставил в дисковод полученный си-ди, а когда программа «рухляди» диск обнаружила, пробормотал:

– Оказывается, здесь записан видеофайл, – и нажал на «play» в окне программы AC/DC.

Видеозапись оказалась небольшой – продолжительностью

всего сорок восемь секунд, и когда экран после традиционных черно-белых полос ожил, Надя увидела на нем из-за плеча Димы девушку. Молоденькую – лет, наверное, шестнадцати, а то и пятнадцати. Девушка, одетая в футболку, неподвижно сидела на табурете на фоне голой бетонной стены. Съемка велась то ли в подвале, то ли в гараже, то ли где-то на заброшенном промышленном предприятии. Словом, мизансцена походила на то, как снимают заложников в Ираке, – только, в отличие от тех записей, никого из похитителей рядом в кадре не было. Невзирая на средний план, было заметно, что юное создание растерянно и утомлено.

Девушка зашевелила губами – однако из колонок раздавалось одно только шипение. Дима до отказа увеличил на тумблере громкость – но лишь слышнее стал «белый шум». И вдруг грянул громовой голос. С соседних столов на них стали озираться, и Дима быстро уменьшил звук.

Но говорила не девушка. Звук и не попадал в ее артикуляцию. За кадром звучал мужской голос. Он говорил со странным акцентом, и лишь после нескольких фраз Надя поняла, что голос, видимо, изменили каким-то электронным фильтром, и потому он походил на голос робота: механический, скрипучий. По ритмически правильной речи Надя догадалась – мужчина за кадром декламирует стихи. Она вслушалась в монотонный голос.

...Вы совершили то,

Что обездушивает соглашения
И делает пустым набором слов
Обряды церкви. Небеса краснеют,
И своды мира, хмурясь, смотрят вниз,
Как в судный день, чуть вспомнят ваш поступок...⁷

Тут декламация оборвалась, но от этого голос девушки слышнее не стал. Она по-прежнему беззвучно несколько раз пошевелила губами. А голос за кадром проговорил:

Бог мщения уступит мне место,
Чтобы я покарал злых!..

И тут изображение пропало, по экрану поплыли черно-белые зигзаги.

Выждав минуту-другую – на мониторе ничего нового не появлялось, – Дима второй раз нажал на «play». И снова возникли знакомые кадры – девушка, беззвучное шевеление губ, а потом – механический голос. Надя с Димой вслушались в первые слова – те, что они сначала пропустили:

...Вы сделали такое,
Что угашает искренность и стыд,
Шельмует правду, выступает сыпью
На лбу невинности и чистоты...

⁷ Шекспир В. Гамлет, акт 3, сцена 4. (Перевод Б. Пастернака.)

А дальше пошло уже слышанное.

– Что это? – прошептала Надя, когда запись закончилась во второй раз. Она имела в виду все, что они увидели: девушку в бетонном узилище, ее беззвучное послание, декламацию за кадром. Однако журналист понял вопрос подруги прямолинейно и попенял:

– Ай-яй-яй, Митрофанова, а вы еще с высшим образованием. Что у вас было, миледи, по зарубежной литературе?

– «Четыре».

– Оно и видно, что «четыре». Художественный свист за кадром – монолог Гамлета. Как раз то место, где он обличает мать свою, королеву Гертруду, в том, что она вступила в преступную связь с убийцей – дядей... Ах, не забыть мне в этой роли старика Высоцкого!.. А каков был Гамлет – Солоницын в постановке Тарковского в «Ленкоме»!..

– Что ты несешь, Полуянов?! – нахмурилась девушка. – Какой Солоницын, какой Высоцкий?! Тебе сколько лет было, когда Высоцкий умер?!

– Семь, – мгновенно ответил журналист. – А что, я был интеллигентным и любознательным мальчиком. И если противные контролерши меня иногда не пускали на вечерние спектакли, мне мама моя все в лицах пересказывала.

– Вот так всегда, – вздохнула Надежда. – Ты знаешь все – однако неточно, в основном – с чужих слов.

– Да ладно, Гамлет!.. Данный монолог, по-моему, всего лишь деталь. Я бы дорого дал, чтобы вместо мелодекламации

услышать, что там говорит эта девушка. И еще...

Дима по новой прокрутил, теперь уже без звука, запись.

Руки девушки – лежащие, по всей видимости, на коленях, – постоянно в кадре не присутствовали. Однако в какой-то момент она сделала экспрессивный жест, и на экране стала видна ее десница. Дима щелкнул виртуальной клавишей «stop». Заложница – или кто она? – замерла на фоне стены с приподнятой дланью. Журналист приблизил курсор к руке, увеличил план. Стало отчетливо видно, что кисть девушки перевязана – а сквозь бинт проступает кровь.

– Что это значит? – поинтересовалась Надя.

– Ничего, – отмахнулся Полуянов, но по его нахмуренному челу она поняла: Дима что-то знает. И он посвящает ее далеко не во все подробности происходящего.

Дима вытащил из компьютера диск, бережно положил его в свою кожаную сумку.

– Пойдем, Надюшка, где-нибудь посидим, попьем кофейку, посудачим о делах наших скорбных.

* * *

Своей базой молодые люди избрали кафе «Чашечка и блюдечко» на Маросейке. Дима долго разводил Надежду на пирожное. Показывал на витрину: «Смотри, какое тирамису! А рулет с маком! А этот штрудель!..» В конце концов Надя, вечно заботившаяся о своей фигуре, так и норовившей

потолстеть, прошипела: «Я убью тебя, Полуянов!» – и заказала фруктовый салат без всяких сливок. А Дима без зазрения совести принялся пожирать огромный кусище «Черного леса», запивая его бадьей кофе по-американски.

Затем он, с очевидной неохотой, рассказал Наде о сегодняшнем письме и даже продемонстрировал ей отвратительную фотку, на которой была изображена сама Надя с выжженными точками глаз. (О первом пакете, с окровавленным мизинцем, он даже не обмолвился.)

– Поэтому, – резюмировал журналист, – давай, Надюшка, думай: кто тебя может с такой силой ненавидеть.

– Твои враги – мои враги, – пожала плечами она. Настроение у нее после жуткой фотографии категорически испортилось. Даже свежая клубника вкупе с киви и бананами в горло не лезла. – Тем более что фотку тебе домой прислали.

– Однако, – парировал Полуянов, – именно к тебе пристают разные маньяки: и лично, и по телефону, и даже с помощью юных посыльных.

Затем Дима попросил Надю рассказать как можно более подробно о вчерашнем разговоре с уличным «кадром» и о сегодняшней с ним телефонной беседе.

– Да что там рассказывать, обычный треп, – попыталась отнекиваться она, – как будто ты сам никогда на улице к девушкам не приставал.

– Надя! – строго проговорил журналист. – Если я тебя о чем-то прошу, пожалуйста, делай в точности, что я прошу.

Тон Полуянова стал настолько ледяным, что она пошла на попятную. Стала припоминать – сначала нехотя, а потом все более увлекаясь – реплики вчерашнего мужика. А журналист открыл блокнот и стал туда что-то записывать. Узнав, что приставала в разговоре с Надей Отелло с Яго поминал, а также приглашал ее на «Гамлета» в МХТ, вполголоса прокомментировал:

– А он, по-моему, какой-то крейзанутый на Шекспире, тебе не кажется?

Когда же Надя сказала, что мужик оставил ей свою визитную карточку, Дима аж подскочил на месте:

– И ты молчишь?! Карточка у тебя с собой?

– Да.

Надя покопалась в портмоне и передала ему через стол визитку. Дима, нахмурился, изучил ее, а потом заметил:

– Могу держать пари, что акциями ООО «Аргус», в коем числится твой друг Георгий Алексеевич Ершов, на бирже не торгуют. И, вполне возможно, про этот «Аргус» ни в одной налоговой инспекции не слыхивали.

– Думаешь, ООО на визитке – просто блеф?

– Ага.

– Почему?

– Адреса организации нет. А телефон указан только мобильный. Кстати: почему бы тебе, Надежда, по нему не позвонить?

Она нахмурилась:

– И что я скажу?

Дима дернул плечами.

– Поблагодаришь за подарок, переданный с юным курьером. Поинтересуешься, по какой причине товарищ не пришел на свидание лично.

– Почему бы тебе самому не позвонить?

После того как увидела отвратительную фотографию, в Надежду просто бес какой-то вселился: хотелось все, что ни скажет Полуянов, оспаривать.

Дима был кроток – заметил с широчайшей улыбкой:

– Ну, я же, в отличие от тебя, не красивая девушка (правда, немного полненькая), и он совсем не ко мне клинья подбивает...

– Ладно, – без энтузиазма вздохнула Надя.

– Держи мобильник – все равно контора мои звонки оплачивает. Поставь на громкую связь. Я буду слышать – может, что-нибудь тебе подскажу по ходу беседы. – Дима не преминул выдать порцию инструктажа. – И когда *он* ответит, включи диктофон на сотовом на запись. С помощью вот этой кнопки.

Надя оглянулась: в кафе в этот предвечерний час было безлюдно. Несколько парочек ворковали у окна. Две студентки усердно дымили, словно собирались перекрыть рекорд по потреблению никотина. Одинокий юный пижон что-то настукивал на клавиатуре ноутбука. Никто на них с Димой не обращал никакого внимания, не собирался подслу-

шивать разговор. Делать нечего – с видимым отвращением она набрала номер, указанный на визитке.

– Слушаю, – раздался из лежащей на столе трубки бархатный баритон. Надежда узнала его: конечно, тот самый, что звонил сегодня утром в библиотеку.

– Это Надя, – представилась она.

– Какая Надя? – Голос звучал с искренним удивлением.

– Надя Митрофанова, – чувствуя себя дура душой, ответила она.

– Простите, но я вас не знаю, – вежливо, но сухо ответил голос.

В другой ситуации Надежда после подобного атанде немедленно прекратила бы разговор, но на нее выжидательно смотрел Дима...

– Вы мне сегодня звонили, в библиотеку, – сказала она. – А вчера мы с вами познакомились недалеко от метро «Медведково». Вы еще мой платок подняли. Помните?

– Простите, нет.

– Да как же нет?! А кто мне диск сегодня передавал, вместе с мальчишкой?

– Простите, но вы, девушка, по-моему, меня с кем-то спутали.

– Передо мной ваша визитная карточка. Вы дали мне ее вчера. Вы Георгий Алексеевич Ершов?

– Н-да.

– И ваш телефон: 764-...?

– Точно.

– Тогда, значит, – с досадой проговорила Надежда, – вашими визитными карточками завладел какой-то проходец. Какой-нибудь мистер Хайд. Ходит и раздает их направо-налево. Извините и до свидания.

Она сердито нажала на кнопку «отбой» – не дожидаясь, покуда в трубке дозвучит до конца учтивое:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.